

Евгений Некрасов
Мария Некрасова

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ БІ

Армия проклятых
Пепел зла
Знак ведьмы

Евгений Львович Некрасов
Мария Евгеньевна Некрасова
Большая книга
ужасов – 61 (сборник)
Серия «Большая книга
ужасов», книга 61

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9524972

Евгений Некрасов, Мария Некрасова. Большая книга ужасов 61: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-75159-4

Аннотация

Евгений Некрасов «Армия проклятых»

Никто не должен узнать, где похоронен Чингисхан, великий Потрясатель Вселенной. Эта тайна просто не предназначена для людей. И чтобы надежно скрыть ее во тьме веков, по приказу сыновей Чингисхана когда-то убили тысячу воинов. Славных и верных бойцов личной гвардии владыки казнили, словно преступников... и ни один из них не забыл этого оскорбления. Убитые стали демонами подземного мира, и лишь тонкая преграда удерживала их от мести живым. Конечно, я не знал об этом в то лето, когда мы с Жекой отправились к тете

в Ордынск. Я и предположить не мог, что из-за человеческой беспечности демоны смогут вырваться на свободу... и что я стану единственным, кто сможет их остановить.

Мария Некрасова «Пепел зла»

Дина только недавно переехала в новый район – и на тебе, пропала любимая собака. Девочка обегала все дворы, даже в лес с друзьями ходила, но Ланку так и не нашла. А тут еще местные стали говорить о том, что у всех вдруг начали теряться собаки. И что такое уже случилось здесь несколько лет назад. Некоторые думают, это может быть связано с заброшенной лесной стройкой. Что это очень нехорошее место и тревожить его было нельзя. Некоторые говорят, исчезновение собак – только начало настоящих неприятностей. И уже скоро Дина узнает, что происходит на самом деле...

Мария Некрасова «Знак ведьмы»

Поехать с отцом на археологические раскопки Катька мечтала давно. Ее не пугали даже ходившие в округе страшные слухи и то, что на раскопках в прошлом уже пропадали люди. А чего бояться, если новый лагерь археологов будет находиться в нескольких километрах от старого? Вот только одного Катька не учла – что однажды совершенно случайно ее путь будет пролегать мимо того самого проклятого места и обойти его стороной никак не получится...

Содержание

Евгений Некрасов	7
Часть I. В полнолуние на заброшенной станции	8
Глава I. Опасный больной	8
Глава II. Последняя тайна потрясателя вселенной	15
Глава III. Глупая стычка с тяжелыми последствиями	21
Глава IV. Поезд, которого не было	28
Глава V. А люди где?	31
Глава VI. Прятки с волком	39
Глава VII. Языкастая спасительница	45
Глава VIII. Загадочный дядя Тимоша	54
Глава IX. Про нашу десантную тетю и город Ордынск	65
Глава X. Странный стоматолог	76
Глава XI. Шаманы, колдуны, волхвы и волхитки	78
Глава XII. Когда шевелятся скелеты	85
Глава XIII. Загадка на загадке	92
Глава XIV. Самостоятельная жизнь колдовского ножа	98
Глава XV. Чудеса только начинаются	104

Глава XVI. По волчьей воле	112
Глава XVII. Ведьмачьи тайны	123
Глава XVIII. Прибавление в нашем семействе	133
Конец ознакомительного фрагмента.	138

**Евгений Некрасов,
Мария Некрасова
Большая книга
ужасов (сборник)**

Оформление серии Натальи Никоновой

© Некрасов Е.Л., 2015

© Некрасова М.Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Евгений Некрасов

Армия проклятых

Ранее повесть выходила под названием «Тысяча восставших скелетов»

Часть I. В полнолуние на заброшенной станции

Глава I. Опасный больной

На четвертые сутки пути скучноватая и тесная жизнь в поезде стала совсем привычной. Выходя размять ноги на вокзалах незнакомых городов, мы с Жекой покачивались, как моряки, отвыкшие от берега в дальнем плаванье. Размеренный колесный перестук продолжал звучать в наших ушах.

Поезд шел на восток, а нам хотелось назад, в Подосинки. Там у нас дача. Там Жека играет с поселковыми собаками и ловит кротов, заливая водой их подземные ходы, а я хожу на речку с Варей. Ей тоже четырнадцать, и мы уже два раза целовались. Короче, в Подосинках здорово. Нет места лучше под Москвой. А что ждало нас впереди, мы с братом не знали.

В первую ночь Жека рыдал. Наши попутчицы, две студентки, отвлекали его пирожками. «С вишней? – деловито уточнял Жека. – Нет, с яблоками меня не утешают, поищите с вишней». Уничтожал пирожок и опять ударялся в слезы. В перерыве между рыданиями и обжорством он ангельским голоском пропищал, что мама выродила себе новую дочку, а нас отдала тетке. Потом, размазывая сопли, под страшным

секретом выложил главную тайну: Алеша (это я) хочет обменять его на щенка; один раз дельце сорвалось, но опасность остается.

Студентки верили. Наверное, у них не было младших братьев. На меня смотрели, как на злобного идиота, а уж кем считали наших родителей, я старался не думать. Хотя на самом деле нас отправили к тетке из-за Жеки и только из-за Жеки.

Еще под Новый год мама нас обрадовала. Знаешь эти подготавливательные разговоры? «Летом у вас появится братик или сестричка. Кого вы больше хотите?» и все такое, словно что-то зависит от нас.

Я-то спокойно смотрю на такие дела. Как на стихийное бедствие: появится, ну и спасибо, что хоть предупредили – успею попрятать ценные вещи. А Жека испугался, что братик или сестричка станет раскрашивать его книжки, френдить с его компа каких-то малолеток из Сыктывкара, ставить на его телефон хрюкающие и пукающие рингтоны – словом, выделывать всё, за что сам не раз получал от меня по шее.

И Жека запаниковал. Сначала он уговаривал маму выродить вместо ребеночка щенка немецкой овчарки. Хотя должен был понимать, что к чему, как-никак уже в школу пошел. Ему объяснили, что у людей, к сожалению, рождаются только люди, а овчарка нипочем не получится. «Так и быть, – разрешил Жека, – но поменяться-то с кем-нибудь

всегда можно!».

Это было уже не смешно. Мама плакала после таких разговоров, потому что любила и нас, и еще не родившегося ребенка. Ей хотелось, чтоб мы жили дружно.

Тогда я сказал Жеке, что нашел, где меняют детей на щенков. Только детей там берут подрощенных, с первого класса... Обдумав эту информацию, догадливый братец объявил, что собака нам не нужна. Были б мы скотоводами, тогда другое дело. Собака могла бы стеречь наши стада. А так от нее одно разорение. Гораздо выгоднее держать в доме неприхотливого первоклассника. На одном собачьем корме он за год сэкономит себе на смартфон и новые ролики.

С тех пор, если спрашивали, кого Жека больше хочет, он отвечал: «Обоих оставим – и братика, и сестричку. Где двое, там и четверо. Что ли, мы тарелки супа ребенку не нальем?!» Взрослые умилялись. Они не знали, что у Жеки такая страховка на случай, если мама родит близнецов. Мол, даже четверо детей – еще не так много, чтобы менять одного на щенка.

В начале июня к нам в Подосинки привезли маму с новорожденной Ленкой. Жека заглянул в сверток и сказал: «Ой, косенькая!» И весь вечер пошел насмарку. Папа забыл о приготовленном фотике, мама не спросила, откуда на столе торт, который испекли мы с Варей. Битый час они стучались лбами над Ленкой, разглядывая, косенькая она или нет.

Назавтра Жека придумал новую пакость: «Чегой-то она

похожа на монгольца. Мам, а вдруг ее перепутали в родительском доме?» Опять паника, мама с папой выясняют, чьи у Ленки глазки, чей носик. Как будто не привыкли, что недельный младенец похож не на маму, не на папу и даже не на монгола, а на свиную отбивную с пожарной сиреной. Жека был такой же, когда его привезли из роддома: красный, лысый и крикливый.

Каждый день Жека подкидывал нам что-нибудь новенькое. Подойдет молча и с озабоченным видом пересчитывает пальчики у Ленки на руках. Разумеется, все бросаются пересчитывать пальчики, убеждаются, что их не четыре и не шесть, а ровно пять, и облегченно вздыхают. А Жека делится очередным открытием: «Мам, у ней головка кривая».

Или еще случай. Утром лежит он в постели, тихий-тихий, держится за живот и слабым голосом говорит: «Алеша, мои маленькие машинки бери себе, а ролики я завещаю Гришке из семиспятой квартиры». А папа на работе. А маме от Ленки не отойти. А «Скорую» на дачу не вызвать, и остается одно: везти больного в Москву на электричке. Мы с Варей посадили Жеку в садовую тележку и покатали к станции. Жара, дорога никудышная, тележка пылит и застревает. Доплелись, а этот притворщик встал и говорит: «Чегой-то я уже выздоровел».

Потом Жека поджег сарай. Ему приспичило показать, как он катается на велике без рук, а мама не могла выйти, потому что купала Ленку. Тогда он поджег, и мама вышла.

После этого папа отвез Жеку к детскому психологу. И что ты думаешь? Оказалось, братец издевался над нами не просто так. У него тяжелый случай синдрома Боткина-Петкера, осложненный отдельными симптомами Эстергази-Тряпкина. В таком вот духе. По-человечески говоря, Жеке нравится быть младшим в семье, и Ленке он это место не уступит, пока не поймет, что быть старшим тоже неплохо. А для этого надо бы отправить его туда, где Жеку не будут жалеть и опекать. Пускай он там побегает, подерется с мальчишками – в общем, проявит самостоятельность.

Папа знал такое место. За Байкалом, в городке Ордынке, живет его сестра, а наша с Жекой тетка Света. Вот уж кто решительно неспособен жалеть и опекать! По-моему, она и слов этих не понимает. Тетя Света пять лет отслужила прапорщиком в воздушно-десантных войсках. И, хотя с тех пор окончила Московский университет и стала историком, директором краеведческого музея, ее характер ничуть не изменился. Мама за глаза называет ее Терминатором. Провожая Жеку, она плакала.

Так мы с братом оказались в поезде, идущем на восток. Жекин психолог сказал, что сама по себе поездка без взрослых – уже прекрасное лечение. В незнакомой обстановке больному придется проявить самостоятельность. Главное, чтобы я не вмешивался, пока не увижу, что Жекина самостоятельность грозит жертвами и разрушениями.

Всю дорогу Жека изобретательно доставал студенток. По требованию безутешного ребенка они массировали ему спинку и стригли ногти, пели песенки и читали сказки, подсчитывали, сколько часов и минут осталось до Ордынска, и приводили живого моряка.

На моряке Жека прокололся. Тот быстро понял, с кем имеет дело, и увел студенток в другой вагон.

А Жека придумал новое развлечение. Он поминутно бегал к проводнице Гале за чаем, выливал его в окно и возвращался с пустым стаканом за добавкой. Ему нравилось, что симпатичная Галя сама приносит чай, не доверяя кипяток ребенку, и удивляется: «И куда в тебя столько влезает!» Потом-то Галя поняла, что влезает не в Жеку, а в соседнее купе. Там ехали офицеры-пограничники. Все вместе они пошли обедать в ресторан, а когда вернулись, нашли чай у себя в постелях. Его занесло ветром в открытое окно. Если бы не Жекина справка про синдром Пупкина-Губкина, нас бы точно ссадили с поезда. А так Галя пожалела больного, который едет на лечение.

Ладно. Не прошло и часа, как больной опять проявил самостоятельность: залез на верхнюю полку и стал кидаться в меня сахаром. На каждый вылитый за окно стакан Галя давала по четыре куска, так что снарядов Жеке хватало. А когда я хотел снять его с полки, больной поднял такой ор, что полвагона сбежалось выручать невинное дитя из лап брата-сидиста.

После этого я перестал с ним разговаривать. Ляпкин-Тяпкин ему брат, а не я. Боясь слезть, Жека тараканил на верхо-туре и доставал меня дразнилками, но я не отвечал.

К вечеру он выдохся. Студентки не показывались, бесить-ся надоело, а разумное, доброе, вечное не приходило Жеке в голову.

Россия за окном не кончалась. Включив только желтый ночничок, чтобы свет не мешал смотреть на огни далеких деревень, мы сидели в потемках и кисли.

Тогда Жека и нашел черную тетрадь.

Сейчас-то я понимаю, что шансов у него было не больше, чем у дворовой барбоски получить медаль на кошачьей выставке. Как позже уверяла Галя, хозяин черной тетради перевернул все купе, разыскивая пропажу. Потом еще месяц тетрадь путешествовала из конца в конец России, не попавшись никому на глаза. А Жеке сама свалилась на голову. Ясно, что буйна голова куда-то сунулась и стронула завалившуюся туда тетрадку. Но все равно Жекина удачливость отдает чертовщиной. Как будто ему ворожил кто-то.

А может, и правда ворожил. После всего, что с нами случилось тем летом, я не удивляюсь таким вещам...

Глава II. Последняя тайна потрясателя вселенной

Жека притих на верхней полке, а я размышлял, не грозит ли жертвами такое нетипичное поведение больного. Заснет и спикирует на пол... Может, шугануть его, пока не поздно? Вдруг слышу, он читает:

– Сыно-вья уложи-ли его в гроб из цельно-го дубово-го кря-жа, выло-жен-ный внут-ри зо-ло-том...

Высунулся, тетрадь в руке, весь дрожит от любопытства. Есть у Жеки такая слабость: обожает про гробы.

– Алеша, – говорит он счастливым голосом, – тут сказка!

Я поворчал для порядка: что еще за сказка, слезай, нечего глаза ломать в темноте. А самому тоже стало интересно. Жека перелез ко мне на полку и лег под ночником. За тетрадь он держался двумя руками, не давал полистать.

Первая страница была исписана беглым, но разборчивым почерком. Ни названия, ни своей фамилии хозяин черной тетради не оставил. Рукопись так и начиналась, как прочел Жека: «Сыновья уложили его в гроб...» Дальше стал читать я:

– Руки Великого кагана сжимали рукоять меча. Лук с надломленными стрелами, чтобы охотиться в царстве мертвых, нож, огниво и чаша для питья – все, что возил с собой каждый воин-кочевник, было с ним в последнем походе на Веч-

ное Синее Небо Тэнгри. Двенадцать быков тянули повозку с гробом Потрясателя Вселенной. Тысяча богатырей – багадуров – скакали впереди, убивая людей и зверей на земле и птиц в небе, чтобы весть о кончине владыки не порадовала врагов и не опечалила друзей раньше времени.

Гонцы на быстроногих конях тайно отправились туда, где должен был кончиться земной путь Великого кагана.

По его завещанию рабов заставили углубить протоку Онона и отвести реку в другое русло. Когда вода ушла от подножия скалы, в ней вырубили пещеру и соорудили гробницу, да такой красоты, какой еще не знали люди. Все золото, серебро и драгоценные камни, взятые в завоеванных странах, ушли на ее украшение.

Глубокой ночью гроб с телом кагана положили в гробницу. Вместе с ним похоронили две тысячи его сановников и слуг, чтобы они служили повелителю в потустороннем мире, его любимых лошадей, сотни овец и быков.

На рассвете разрушили плотину. Замурованный вход оказался под водой на дне реки. Рабы и мастера погибли в волнах, а сумевших выплыть поразили отравленные стрелы. Скрывая последние следы, по берегам Онона прогнали табуны лошадей. Доверенная тысяча багадуров перебила охрану. После этого воины снялись со своих постов, построились в сотни и поскакали в Орду к родным очагам. Но каждую сотню встречали другие воины и уничтожали.

В живых не осталось ни одного свидетеля. Только сыновья

и внуки Чингисхана знали, где захоронен Потрясатель Вселенной. Могильник его с тех пор называют «Икх Хоринг» или «Великая тайна».

– Ага, Чингисхан! Монголо-татарское иго! – с умным видом заметил Жека. Он любит поторчать у меня за спиной, когда я делаю уроки.

Я сказал, что иго было после Чингисхана. И перевернул страницу.

«Легенда слишком красива, чтобы оказаться правдой, – писал хозяин тетради. – Есть похожая о могиле Аттилы, тоже якобы захороненного на дне реки».

Жека надул губы. Он чувствовал себя обманутым:

– Что еще за Аттила-Годзилла?!

Один будущий второклассник может задать столько вопросов, что сотня мудрецов не ответит. А я и не мудрец. Я старший брат и должен отвечать.

– Ха, Аттила!.. – сказал я, лихорадочно вспоминая. Кажется, мы его не проходили. – Ну, Аттила... Ты что, Аттилу не знаешь?

– Не-а, – легко признался Жека.

– Был такой... Тоже любил конный туризм, – наугад ответил я.

К счастью, Жека не стал выпытывать подробности. Толкнул меня локтем:

– Ты давай читай!

И я прочел:

– Рашид-ад-дин в древнеперсидском «Сборнике летописей» указал, что место захоронения находится в пределах хребта Бурхан-Халдун, из которого вытекают реки Онон, Керулен и Гола. Вот как описывает он выбор места:

«Дело обстояло так: однажды Чингисхан был на охоте; в одном из этих мест росло одинокое дерево. Он спешил под ним и там обрел некую отраду. Он сказал: «Эта местность подходящая для моего погребения. Пусть ее отметят!» Во время оплакивания люди, которые слышали тогда от него эти слова, повторили их. Царевичи и эмиры, согласно его повелению, избрали ту местность для его могилы».

Автор черной тетради по этому поводу написал: «**Снова река Онон! Гм, гм...**»

Я тоже сказал: «Гм, гм», в смысле, ничего себе! Перед отъездом Жека спрашивал, есть ли у тети Светы лес и речка, и мы с папой нашли на карте город Ордынск. Леса вокруг оказалось хоть отбавляй, целая тайга, рек тоже хватало. А главное-то, главное, одна из них – этот самый Онон!

– Алеша! Алеша! – пихал меня Жека. – Соображаешь?!

Я соображал. Во-первых, река не короткая. Во-вторых, от города до ближайшего берега – воробьиный коготок по карте, а сколько там на деле, сейчас не подсчитаешь. Может, пять километров, а может, и пятьдесят. Но все равно от близости к тайне сосало под ложечкой.

Ниже в тетрадь была вклеена вырезка из газеты.

НАЙДЕНА МОГИЛА ЧИНГИСХАНА?

В Монголии американской археологической экспедицией обнаружен древний могильник, где предположительно захоронен великий монгольский завоеватель Чингисхан. Окончательные выводы можно будет сделать только после завершения раскопок. Об этом заявил в четверг руководитель экспедиции профессор Университета Чикаго Джон Вудс. Могильник, по его словам, расположен в 400 км к северо-востоку от Улан-Батора близ города Батширит.

Создатель империи монголов, протянувшейся от нынешнего Гонконга до Каспийского моря, умер в 1227 году. В могильнике Чингисхана, по мнению экспертов, могут быть собраны уникальные сокровища, поскольку ничего из военных трофеев Чингисхана по сей день не найдено.

РИА «Новости»

Эта маленькая заметка разъярила автора черной тетради. Он понаставил всюду вопросительных знаков и сделал решительный вывод: «**ЧЕПУХА!**» А сбоку приписал (видно, позже): «**Не подтвердилось. Как я и думал!**» И нарисовал рожицу с высунутым языком.

– Он сам ищет могилу! – разглядывая рожицу, сообразил Жека.

Я еще раз посмотрел на исчерканную заметку. Больше всего вопросов было в первом предложении: «В Монголии??? Обнаружен?.. Захоронен Чингисхан???» Да, похоже,

брат верно угадал. Человеку было обидно, что могилу Чингисхана разыскали без него, и он цеплялся к каждому слову. А потом узнал, что американец раскопал не ту могилу, и обрадовался. Вон какую дразнильную рожу намалевал: «Ага, съели?!»

А рукопись продолжалась:

«Владимир Череванский в книге «Две волны. Историческая хроника» (Санкт-Петербург, 1898 г.) приводит такую версию: «Умиравший выразил желание сказать предсмертное слово. Оно было кратко: «Сыновья и багадуры! Я чувствую, что ко мне идут уже слуги Неба и Земли, и, вот, когда они сделают свое дело, вы возьмите мои останки из мяса и костей и отнесите их туда, куда укажет вам Тули (его любимый сын)»...

Могилу вырыли сыновья и багадуры – под корнями многовекового кедра, опаленного не раз ударами алтайской грозы. Боевой плащ, пробитый во многих местах стрелами, послужил погребальной пеленою этого низвергателя царств и тронов. Седло послужило ему изголовьем...»

– И никаких сокровищ?! – разочаровался Жека.

– Погоди, – сказал я, – видишь, что творится? Одни эту могилу ищут в Монголии, другие пишут, что она в Алтайских горах, третьи – что на речном дне. И с этими сокровищами так же: то ли они есть, то ли нет. Вот найдут настоящую могилу Чингисхана...

Жека лениво перелистывал черную тетрадь. Ему стало неинтересно. Сначала он переворачивал по листу, потом по нескольку... А потом из тетради выскользнула сочная цветная фотокарточка.

Скелет в ржавой кольчуге и боевом шлеме лежал под остатками сгнившего пня. Облезлое седло служило ему изголовьем.

Глава III. Глупая стычка с тяжелыми последствиями

Поезд приближался к Ордынску. В нашем купе витала призрачная тень Чингисхана. Я читал вслух, пока не начало болеть горло. Тогда черную тетрадь выхватывал Жека и бубнил:

– По бурят-ским преданиям местечко Дю-лун – родина Чингисхана, находится на Ононе, вблизи современного села Нижний Ца-су-чей. Напротив него, на другой стороне Онона, возвышается отвесная скала. Река бурлит у ее подножия... Возможно, эта легенда все же имеет реальную основу. Усиливают это предположение названия памятников природы, расположенных вблизи от скалы: «Чаша Чингисхана», «Трон Чингисхана»...

Легенд и научных гипотез было множество. Их Хоринг искали в древности и в наши дни, в Тибетских горах и в Монголии, у подножия Великой Китайской стены и в нашем За-

байкалье. Автор черной тетради старательно все записал, не дав ответа на один вопрос: чей скелет на фотокарточке. Может быть, он уже нашел могилу Чингисхана?

Череп в ржавом шлеме скалил щербатые зубы. Он тоже хранил тайну.

В дверь купе постучали.

– Скелет! – охнул Жека и до глаз натянул одеяло.

Второй стук был громче и отчетливее. Дверная ручка задержалась. Я лежал у стены и ленился перелезть через Жеку.

– Отопри, – сказал я. – Это же Галя стучит ключом. Наверное, мы к станции подъезжаем.

– Да, отопрешь, а там скелет! – заныл Жека.

Щелкнул замок, открытый с той стороны железнодорожным ключом. Потрясенный Жека нырнул под одеяло с головой. Дверь с грохотом откатилась. На пороге, грозно уперши руки в бока, стояла проводница.

– Боткины-Шмоткины, Ордынск через три минуты! – объявила она, оглядывая купе. – Я вас давно предупреждала!

Жека уселся к столу и, как ни в чем не бывало, стал уплетать варенье из банки.

– Крышка потерялась, – объяснил он Гале. – Не оставлять же.

Проводница не уходила.

– Ох, и надоели вы мне! – вздохнула она. – Ей-богу, завезла бы вас подальше километров на полтысячи, если б вы

мне так не надоели. А ну, живо собирайтесь! – Тут Галя заметила черную тетрадь. – Нашлась?!

Жека, бросив ложку, сцапал тетрадь и молча лег на нее животом.

– Не отберу, не бойся, – улыбнулась Галя. – Ее потерял пассажир, археолог. Так убивался, все купе вверх дном перевернул. А сошел в Ордынске. Я-то вряд ли его увижу, а вы найдете, если захотите. Отдайте ему тетрадку. Город маленький, археолог – профессия редкая и загадочная. Его все должны знать.

– Найдем и отдадим, – поддакнул Жека. Он был готов пообещать что угодно, лишь бы Галя не отняла черную тетрадь.

Я спросил, как зовут археолога, но проводница не помнила. С бородой, сказала, хотя нестарый. Погрозила нам пальцем, напомнила: «Собирайтесь!» – и ушла.

Еще час назад я собрал Жекин чемодан и свой рюкзак. Но с тех пор больному понадобилась куртка, потому что его знобило, мамина фотокарточка, потому что он соскучился, и еще полчемодана всякой всячины, потому что ему хотелось получить по шее. Вещи валялись по всему купе. Я как попал запихнул их в чемодан и, толкая перед собой Жеку, выскочил в тамбур.

Поезд замедлял ход. За окном рваными полосами стлался туман. Большая оранжевая луна висела низко, почти касаясь островерхих елок. Тайга начиналась шагах в двухстах от железной дороги.

Больной оттеснил меня от окна и прилип носом к стеклу.

– В такие лунные ночи покойники встают из могил, – озабоченно заметил он.

– Жека, тебе не надоело? – вздохнул я. – Ты же сам себя пугаешь больше, чем других.

– Просто я знаю, как тонка ниточка, на которой висит человеческая жизнь, – мрачным голосом поведал больной.

Подошла Галя с флажками в руках. За окном проплыл длинный дом с одиноким светящимся окошком, и поезд встал.

– А где же город? – спохватился я.

Галя махнула рукой:

– Там.

Но и там, то есть за окном с другой стороны тамбура, темнела такая же размытая туманом стена тайги.

– До него еще автобусом ехать. Как сойдете, так сразу дуйте на остановку, – сказала Галя, открывая дверь.

Пахнуло сыростью и запахом древесной гнили. Только мерцающий свет в окне говорил, что на станции есть люди. Порог вагона обрывался в темноту. А где перрон?!

Высунувшись за дверь, я увидел далеко внизу асфальтовую полосу на земле. Прыгать с тяжелым рюкзаком было страшновато, сползать – стыдно перед Галей. Пока я раздумывал, щуплая на вид проводница вдруг отодвинула меня легко, как надувного. Нагнулась, повозилась и с ржавым скрипом подняла целый кусок пола. Под откинутым насти-

лом темнели ступеньки.

– После десятого прыжка мозг десантника утрамбовывается до объема бараньего, – назидательно сказала Галя, она любила щегольнуть военными хохмами, подхваченными от пассажиров.

Я сошел и помог спуститься Жеке.

– Счастье какое! Хоть отдохну без вас, Петкеры-Шметкеры! – вздохнула Галя.

– Мы еще обратно поедем, – бодро пообещал Жека. – Не успеете соскучиться!

– Я лучше уволюсь, – ответила проводница.

В тамбур выскочили две тетки с большими сумками. Я их видел и раньше, только не знал, что они едут в Ордынск. Суетясь и толкаясь, тетки сошли на перрон и умчались. С топотом и гиканьем пробежала навьюченная компания из другого вагона, человек шесть. Позади семенил старичок с мешком на тележке, монотонно зудя:

– Ребятки, ребяташки, скажите, чтоб подождал.

Посадка в автобус больше смахивала на бегство.

– Вот так всегда здесь: и несутся, и несутся, – зевая, заметила Галя и спохватилась: – А вы чего думаете, Ломоносовы?! Бегите, другого автобуса не будет!

– За нами тетя приедет на машине, – сказал я. – А почему автобуса не будет?

– Ну, будет через сутки, когда обратный поезд остановится. Тебе от этого легче? – ответила проводница, поднимая

флажки.

Поезд сейчас же тронулся. Простучали колеса, промелькнули огни, и тогда мы увидели автобус. Он стоял за переездом, светясь в темноте окнами, как стенка с аквариумами в зоомагазине. Тетки из нашего вагона уже рассаживались. Пассажиров было немного, человек десять. Позади автобуса белел капот легковушки, и я совсем успокоился: машина есть, остается найти тетю Свету. Может, она сидит за рулем и ждет, что мы сами подойдем – это в ее характере.

Мимо пронеслась девчонка в цветастом сарафане. Увидела нас и вернулась:

– Вы что стоите? Автобус!

– А мы трамвая ждем! – прикололся Жека.

– Дурак!

С тех пор, как брат получил справку, он стал крепко обижаться на «дурака». Запыхтел, сжал кулаки:

– Что ты сказала?!

– Пойдемте уже! – Девчонка схватила наш чемодан, но Жека заступил ей дорогу:

– Нет, повтори, что ты сказала!

– Ну, дурак. Дурак, дурак, дурак!.. – очередью выпалила девчонка. – Доволен?

Жека запыхтел громче и стал бить копытом. Девчонка показала язык. Откуда она взялась на мою голову?

– А иди-ка ты, девочка, на автобус, – сказал я, вставая между ними. – Оставь чемоданчик!

– Я из кружка! Я помочь хотела, а вы...

– Мы сами справимся. Иди. Вон, тебя зовут!

На нас глазел весь автобус, многие махали руками. Я так и не понял, с кем была девчонка. Встречала, наверное, кого-то – не в поезде же приехала одна и без поклажи.

Девчонка дернулась бежать к автобусу, обернулась:

– Он же уедет сейчас, идиоты!

Услышав «идиотов», притихший было Жека взорвался. Драться он совсем не умеет, зато напористый. Зажмурился и молотит воздух руками. Я поймал его за шиворот, Жека вырывался и вопил:

– Наших бьют!

– Он у тебя всегда такой психованный или только в полнолуние? – подлила масла в огонь девчонка.

Жека совсем рассвирепел. Он рыл асфальт ногами. Его воротник трещал у меня в кулаке.

Прогудел автобус. Водитель закрыл и снова открыл дверцу, предупреждая, что ждать не собирается.

– Не помогай нам, беги! – закричал я девчонке.

– Я же из кружка! Я – помочь... Да тьфу на вас! – Девчонка швырнула чемодан и рванула к остановке.

Мы с Жекой смотрели, как она, вскочив на подножку, кидается к водителю и что-то ему говорит. Тот еще раз погудел, я в ответ помахал рукой. Автобус тронулся с открытой дверцей, как будто спрашивая: «Не передумали?» Лучи фар скользнули по белой машине. Она была разбита в аварии так

давно, что сдутые колеса успели уйти в землю.

Дверца лязгнула, свет в автобусе погас.

Глава IV. Поезд, которого не было

Мы бросились за автобусом, но было поздно. Еще недолго в тумане маячили два оранжевых огонька, а потом и они пропали. Дорога была безнадежно пуста.

– А чё она обзывалась? – несмело сказал Жека. Он чувствовал себя виноватым.

– А чё ты драться полез?.. Я вот думаю, из какого она кружка.

– Из такого, в котором обзываются. И чемоданы тырят! – непримиримо буркнул Жека.

– Позвоним, – решил я. – Наверное, у тети Светы шина спустила или еще что-нибудь.

– Например, авария. Со смертельным исходом.

Мне было муторно и без Жекиного карканья. Тетя Света – военный человек, забывать и опаздывать просто не умеет. Если бы не могла приехать сама, то прислала бы за нами знакомых. А раз не приехала и не прислала, то беда случилась с ней по дороге на станцию. Что с тетей Светой? И как нам теперь выбираться? Идти пешком?.. Но мы не знали, как далеко до Ордынска. Дорога, по которой уехал автобус, упиралась в стоявшую стеной тайгу и пропадала.

Я с умным видом посмотрел на часы. Было без двух минут

двенадцать. Наше положение от этого ничуть не изменилось.

– Позвоним, – повторил я и стал искать в рюкзаке мобилку. Ее приходилось зарывать подальше, чтобы Жека не названивал маме каждый час.

* * *

Вдали послышался стук колес. Он приближался с той стороны, куда ушел наш поезд. Мы еще видели на повороте светящиеся бусинки его окон. Скоро они растаяли в тумане.

А колеса встречного стучали все громче. Закрыв глаза, я бы сказал, что до поезда километра два. Но тогда мы заметили бы огни, а их не было. Рельсы блестели в лунном свете. Две рельсы, только две. Задача из учебника для сумасшедших: «По однопутной дороге выехали навстречу друг другу два поезда. Как они разъехались, если известно, что столкновения не было?»

– Это наш поезд, – сказал Жека. – Галя высадила нас раньше времени, а потом спохватилась и дала задний ход.

На мгновение я ему поверил. Все же поезд, вернувшийся за потерянными пассажирами, – не такая чертовщина, как два поезда, проехавшие друг сквозь друга. Потом до меня дошло:

– Где-то здесь боковая ветка!

– Какая еще ветка? – не понял Жека.

– Еще одна железная дорога, до города.

– Само собой, – с облегчением сказал Жека, и я понял, что он здорово испуган.

Поезд приближался. Мы слышали тяжелое пыхтение локомотива. И вдруг он свистнул! Не прогудел, как тепловоз, не взвизгнул, как электричка, – свистнул. Паровоз, понял я, хотя видел паровозы только в кино.

Если судить по звукам, поезд был уже в километре от нас. Еще минута – и пролетит мимо. Вихрь бежал нам навстречу, пригибая кусты и взметая мусор с насыпи. **НО ПОЕЗДА МЫ НЕ ВИДЕЛИ.**

Жека пискляво икнул.

На рельсы упала глубокая тень, совсем не похожая на силуэт идущего без огней поезда. Я бы не взялся даже приблизительно нарисовать ее форму – какая форма у темноты?

Тень уже накрывала нас, когда Жека, не переставая икать, шагнул на край перрона. Я успел поймать его в охапку. Жека вырывался и тянул меня под колеса призрачного поезда. Что-то блестящее вылетело из его кулака и упало на просвечивающие сквозь тень рельсы.

Лица нам обдало горячим паром. Я слышал ход паровозных шатунов и видел, как пустые рельсы прогибаются под многотонной тяжестью. Тень опять свистнула, заставив нас отшатнуться, и помчались призрачные вагоны. В ноздри ударяли запахи то навоза и сена, то печной гари. Ржали кони, метались над перроном взвизги гармошки и обрывки песен. В памяти у меня надолго застрял обрывок «Яблочка», про-

петый с варварским выговором: «... куды котисся?» Остальных песен я не знал.

Не знаю, что чувствовал Жека, а у меня мороз бежал по спине, бежал и застыл, как вмерзший в позвоночник ледяной дворницкий лом. Я не мог ни шевелиться, ни думать, а просто стоял, мертвой хваткой вцепившись в Жекины плечи. Вихрь от проносающегося поезда трепал наши волосы. Мы смотрели в упор и видели только пустые рельсы!

Прогромыхал последний вагон, и тогда я услышал Жекин крик:

– Гляди!

Я поднял голову. Тайга, которая полминуты назад ясно виднелась за железной дорогой, исчезла. Перед нами стояла молочная стена тумана. Слева, где еще стучали колеса призрачного поезда, по ней как по экрану ползли тени куцых двухосных вагонов. Тень дыма из паровозной трубы завивалась над ними.

Глава V. А люди где?

– Совсем очумел! – заорал я на Жеку. – Ты куда под колеса лез?!

– Ничего я не лез, а только монетку бросил. Хотел посмотреть, как ее расплющит.

– Посмотрел? – Я тряхнул его за плечи. Жека был вялый, как снулая рыба. – Посмотрел?!

– Это они очумели: без света ездят, – сказал он, уселся на чемодан и заплакал.

– У них авария. Неполомки с электричеством, – успокоил я то ли брата, то ли себя. Других объяснений у меня все равно не было.

Мы поглядели на дом. Окошко в нем погасло.

– И здесь авария? – хлюпая носом, доверчиво спросил Жека.

– Авария по всей железной дороге. И здесь, конечно, тоже. У обходчика же нет своей электростанции. – Я нащупал в рюкзаке фонарик и отдал Жеке. – Свети. Сейчас разыщем телефон...

Жека пощелкал кнопкой – не горит – и рыдающим голосом выдал:

– Ал-леша! С фонариком тоже ав-вария!

Вот еще новости! Я же сам проверял фонарик совсем недавно, когда укладывал разбросанные Жекой вещи... Вынув батарейки, я поскоблил контакты монеткой, собрал фонарик, включил... Ни проблеска.

– Обойдемся. Луна вон как светит, – беспечно сказал я. Полез в рюкзак и почти сразу наткнулся на телефон. – Сейчас разыщем тетю Свету! У меня оба ее номера вбиты: и мобильный, и рабочий...

Телефон молчал, как булыжник. Я жал на кнопки, но экран оставался черным.

– Приема нет. Наверное, тайга мешает, – соврал я. – Пой-

ду к обходчику, разужнаю, что случилось.

Жека отвернулся и с увлеченным видом стал смотреть на луну.

Я пошел один. Перрон был разбит, как будто его специально долбили ломами. Раньше я этого не заметил.

– Алеша! – окликнул меня брат и замямлил: – Алеш, это... Э-э-э... Помоги мне монетку найти!

Насколько я понял, Жека не мог решить, что страшнее – идти со мной или оставаться. Я отвернулся и через плечо показал ему фигу.

Шагов через пять брат догнал меня.

– Я хотел постеречь вещи, а потом думаю: никто их не возьмет, – сказал он, вцепляясь в мою руку.

Я шел и думал, что Жеке хорошо, у него есть, за кого держаться. Соображать за двоих должен я, потому что мне уже четырнадцать. Хотя сейчас я остро чувствовал, что мои «уже четырнадцать» на самом деле «всею-навсего четырнадцать». Я мечтал, чтобы обходчик оказался незлым, неглупым и не пьяным. И чтобы у него был телефон.

Почему мы решили, что в доме живет обходчик, кто первый это сказал, я уже не помнил. Железная дорога – значит, должен быть обходчик или начальник станции. Словом, взрослый служивый человек, обязанный позаботиться о пассажирах.

Чем ближе мы подходили к дому, тем заметнее станови-

лось, что человек служит спустя рукава. Хоть бы рамы побелил. И название станции не мешало бы вывесить. И расписание поездов.

Из дома не доносилось ни звука. Хозяина ничуть не беспокоило, что свет погас.

– А где стекло? – спросил Жека.

Я сам уже видел, что оконная рама пустая. Ответить было нечего, я только крепче сжал Жекину руку.

Приоткрытая дверь тихо поскрипывала на ветру.

– Я дальше не пойду, там скелеты, – объявил Жека.

– Тогда стой здесь или беги вещи караулить. – Я оглянулся. Чемодан и рюкзак едва различались в тумане. Никто их, конечно, не возьмет. Но я ведь не мог сказать брату: «Ты трус».

– Нет, лучше я с тобой, – вздохнул Жека. От волнения он ковырял ногтями мой большой палец.

– Прекрати, – сказал я.

Дошли до крыльца со сломанной ступенькой. Я шире открыл дверь, и пронзительный скрип ударил по нервам. Жека присел от испуга и гирей повис у меня на руке. Его пришлось втаскивать в дом.

Наверное, здесь и вправду когда-то жил обходчик или сторож. На комнату начальника станции эта каморка не тянула. Свет луны из дверного проема косо падал на большую печку, выходящую задней стеной в другую часть дома. Два окна, некрашенная лавка и на ней остатки валенка, растасканного

по норам какими-то грызунами. Вместо вешалки – ряд вбитых в стену деревянных колышков. Убожество, как в спектакле про крепостное крестьянство. Герасим и Муму. Доски с пола были кое-где оторваны, и Жека чуть не кувыркнулся в щель. Я удержал его и посмотрел на потолок. Глаза различали в темени облупленную побелку – и больше ничего. Ни лампочки, ни проводов. Спрашивается, что светилось в окне...

Вторая часть дома была раз в десять больше и уже напоминала станцию. Лавки по стенам, дощатая будка с надписью «Касса» и закрытым фанеркой окошком – зал ожидания. Жека постучался, фанерка упала и провалилась внутрь будки.

– А люди где? – спросил Жека, снова терзая ногтями мой палец. – Я же видел: окно горело!

Посмотрев на потолок, я и здесь не увидел ни проводов, ни лампочек.

– Окно не горело, нам показалось, – твердо сказал я. – Глянь, крыша-то дырявая. Мы через окно увидели дыру, а в дыре – луну, и подумали, что свет горит.

Брат молча принял объяснение. Но сам-то я знал, что задача с луной, дырой и окном имеет единственное решение: когда все три точки выстроятся в ряд. Сейчас луна справа, дыра слева, окно внизу и посередине. Смотри хоть задом наперед, просунув голову между ног, но треугольник не станет прямой линией.

И еще об одном я смолчал, чтобы не пугать Жеку: в зале ожидания не было мусора. Ни фантика, ни окурка, ни прилипшей жвачки. Пыль была. Мы протоптали в ней две дорожки, одинокие, как следы астронавтов на Луне.

В этом зале ожидания никто не ожидал поезда. Сюда за все лето, а скорее, и за много лет не зашел грибник или охотник, чтобы укрыться от дождя и выкурить сигарету.

ОНИ ЗНАЮТ О ПРИЗРАЧНОМ ПОЕЗДЕ, понял я. **ВСЕ. ВЕСЬ ГОРОД.** И все молчат. Потому что призраков не бывает. Нормальный человек об этом и спорить не станет. А если находились упрямцы, утверждавшие, что сами видели, верней, не видели призрачный поезд, так они теперь доказывают свое в дурдоме. А остальные притворяются, будто ничего особенного нет. Нормальный водитель не откажется ехать в рейс из-за какого-то призрака, а подгонит автобус к станции точно по расписанию. Нормальные пассажиры пулей полетят кто с автобуса на поезд (на нормальный, разумеется), кто с поезда на автобус. Они рассядутся и уедут, пряча глаза друг от друга, когда вддали загудит невидимый паровоз.

Поэтому и станция заброшена давным-давно. Не такое здесь место, чтобы сидеть и отдыхать.

– Живем, брат! Нас просто высадили на остановку раньше, – соврал я. – Тетя Света подойдет к нашему вагону, спросит у Гали, где мы, и приедет за нами. Она скоро приедет, вот увидишь.

Братец подумал и ляпнул:

– Тетю мы уже не дождемся. Сам понимаешь: ночная дорога, волки... Всякое могло случиться.

– Один будущий второклассник трепался, трепался и по шее получил, – ответил я. – Тетя Света войну прошла! Она здоровенных мужиков, десантников, швыряет, как щенят. А ты скажешь, ее волки съели?

Больной печально вздохнул: так, мол, и скажу, тетю жалко, но истина дороже.

Пока мы бродили по заброшенной станции, туман опустился к земле. Луна ярко светила в безоблачном небе, а перрон был виден шагов на десять. Мы побрели к своим вещам, как в воде: я по шею в тумане, Жека с головой.

Кап! – на руку мне упала теплая слеза. Жека хлюпнул носом. Чтобы отвлечь его, я спросил:

– Как думаешь, чей скелет на фотке – Чингисхана?

Уловка сработала. Жека вытер глаза кулаком:

– Не, в газете же написано: сокровища у него. По мнению экспертов... Алеш, ты ведь хорошо ныряешь!

– Хочешь найти гробницу под водой? – понял я. – Нет, брат, если б все было так просто, ее бы давно нашли. Думаешь, эту легенду один археолог знает? Ей, может, столько же лет, сколько могиле Чингисхана.

– А если с аквалангом? Тетя Света умеет. Приехать в Часуцей... то есть в Цасу... Где Чингисхан родился, и понырять!

Из тумана появилась большая четвероногая тень с поджатым хвостом.

– Овчарочка! – счастливым голосом сказал Жека, сразу забыв о сокровищах.

Мой трусоватый брат совсем не боится собак. Думаешь, почему он мечтал обменять младенца на овчарку? Жила у нас в семье «немка» Данка – старушка, если считать по-собачьи, на два года старше меня. Жеке она была, как бабушка. Сколько раз ловила его на спину, когда он выпадал из кровати. В позапрошлом году Данка умерла, а Жеке сказали, что потерялась.

Ладно. Жека увидел овчарку и пошел к ней. Пес остановился, молча оскалив нешуточные клыки. На его боку торчал клочок линялой шерсти.

– Давно потерялся, одичал совсем, – определил Жека. – Иди ко мне, Шарик! Хорошая собака, хорошая... Рекс! Мухтар! – Жека продвигался короткими вкрадчивыми шажками, боясь испугнуть пса, и подбирал клички. – Ингар! Ингус!

– Отстань от него, – сказал я. – Ну, приманишь, а потом куда?

– Вымоем, вычешем и отдадим тете Свете музей охранять, – решил Жека. – Сходи за сахаром, Алеш, на сахар он приманится. Жалко же собачку, породистая.

Насчет породистости я как раз сильно сомневался. Скорее пес был метисом. Морда, как у хаски, с подпалинами на бровях, сам крупный, как восточно-европейская овчарка,

а хвост... И тут до меня дошло: НИ ОДНА ДОМАШНЯЯ СОБАКА НЕ ДЕРЖИТ ХВОСТ МЕЖДУ НОГ. Поджатый хвост для них – сигнал «я боюсь». И только для волка поджатый хвост ничего особенного не значит, он просто ходит так, и все.

Глава VI. Прятки с волком

– Жека, назад! – зашипел я. – Это волк!

– Да ну, обычная псывка, – отмахнулся собаколюбивый братец.

Волк судорожно зевнул. Сел на хвост, задрал голову к луне и завыл. Жека шарханулся ко мне. Понял, на кого мы попали.

– Не делай резких движений, – прошептал я, обнял Жеку и стал потихоньку пятиться в туман.

Волк самозабвенно выл, кося горящим в лунном свете глазом. Я не знал его повадок. Может, он созывал подмогу, а может, разминал горло перед ужином. Вот так повоет, повоет и набросится! В одном я не сомневался: убегать нельзя. Убегающий показывает слабость, за ним бросаются даже болонки. Спрятаться? Глупо – учует.

– Алеша, я уже вылечился, – жалким голосом объявил Жека. – Давай сядем на поезд и поедem домой.

– Хорошо бы, – вздохнул я.

Вой оборвался. Волк смотрел на нас, как будто понимал

человеческую речь. Мы продолжали пятиться, боясь повернуться к нему спиной.

А ВОЛК ШАГНУЛ К НАМ.

Я попятился быстрее, прижимая к себе Жеку. Волк шагнул еще, еще и побежал за нами трусцой. На каждый наш шаг он делал два, но при этом, казалось, не спешил.

И вдруг моя нога провалилась в колдобину. Я упал, на меня свалился Жека. «Не успеем вскочить... Загрызет!» – ужаснулся я, барахтаясь на разбитом асфальте.

Волк остановился и сел.

Под его немигающим взглядом я встал и поднял Жеку. Волк щерился углом пасти. Казалось, он усмехается.

Теперь я заставил себя идти медленнее. Туман заволакивал неподвижно сидящего волка, пока тот опять не превратился в смутную тень. Еще два-три шага, и ее не стало бы видно... Нет! Волк встряхнулся и побежал за нами.

Играет, подумал я. Или загоняет? Вдруг за перроном, в кустах, нас подкарауливает волчица?! А вот ей шиш! Пускай караулит, а мы спрячемся в доме.

Я представил, как мы с Жекой избегаем по крыльцу, за-скакиваем в дом, наваливаемся изнутри на тяжелую надежную дверь... А волк впрыгивает в окошко, они же без стекол. Перемахнуть через подоконник такой зверюге ничего не стоит. Хоть на потолок от него залезай!

И тут я вспомнил, что есть в доме одно надежное место:
– Спрячемся в кассе!

Волк остановился. Мы отступали, и его силуэт растворялся в туманной дымке, пока не пропал совсем.

И пять шагов, и десять мы прошли в одиночестве. Так далеко волк нас еще не отпускал. Неужели ушел?

Впереди темной глыбой стоял дом.

– Запремся в кассе и будем сидеть до утра, – сказал я. – Тетя Света нас найдет, если приедет. Увидит вещи на перроне, пойдет искать и найдет.

– Если приедет, тогда конечно, – с большим недоверием сказал Жека.

Я приказал себе не гадать, что случилось у тети. От этого только время дольше тянется. Начинаешь высчитывать: если, например, спустило колесо, то ей уже пора приехать, а если серьезная поломка...

– Вон он! – прошептал Жека, впиваясь ногтями в мой палец.

Волк сидел у двери в зал ожидания, отрезая нам путь в кассу.

– А мы через окно, – бодро сказал я.

Волк поднялся и перебежал под окно. Мне стало жутко.

– Обходим дом сзади, – шепнул я Жеке. – Сначала прямо...

Мы как ни в чем не бывало пошли навстречу волку. Дойдя до угла дома, я дернул брата за руку, и мы шарахнулись в сторону. Волк тенью метнулся за нами. Огибая дом, мы с разбегу влетели в кусты, и тут меня как ледяной водой ока-

тило: а вдруг здесь и ждет в засаде волчица?!

Заклацали когти по асфальту – волк догонял нас. Рядом зазывно чернело окно каморки. Я забросил Жеку на подоконник и сам вскочил за ним, каждое мгновение ожидая, что волк вцепится в ногу.

Убежище было ненадежное: два окна каморки смотрели в разные стороны, и в любое мог запрыгнуть волк. У печи я подобрал длинное нетолстое полено. Подходящая дубинка. Если удастся оглушить волка в прыжке – наше счастье. Но я не смогу защищать оба окна. Пока буду караулить у одного, он может прыгнуть в другое. В ближнем бою дубинка мне только помешает... Странно, что волк сразу не кинулся за нами. Соблазнительный для зверя был момент, когда я лез через подоконник, повернувшись к нему спиной.

– Алеша, помоги! – позвал Жека. Он возился у двери, пытаясь загнать в петлю перекошенный крючок.

– погоди, – остановил я брата, – давай добежим до кассы. Он где-то под окнами, а мы...

– Он уже не под окнами, – перебил Жека и на щелчку приоткрыл дверь.

Волк сидел на крыльце, словно ждал, когда его впустят. От давящего взгляда его желтых глаз у меня волосы встали дыбом. Чуть не прищемив брату пальцы, я захлопнул дверь. Жека поскуливал, боясь плакать в голос, и тыкал в петлю непослушный крючок.

Я выломал из печи кирпич и вбил крючок на место. Так,

дверь у нас заперта, остаются окна... Забить их досками с пола? Я поддел половицу дубинкой. Ржавые гвозди поддались с оглушительным скрипом и вдруг – трень, трень – лопнули один за другим. Взлетел оторванный конец половицы, стукнул меня в подбородок. Я упал, дубинка провалилась под пол. Жека взрыднул от неожиданности.

– Все в порядке, – успокоил я брата, ощупывая распухающий подбородок.

Разлеживаться было некогда: в любой момент в окно мог вскочить волк. Иззанозив пальцы, я до конца оторвал половицу и заглянул в щель...

Лунный свет падал неровной полосой, выхватывая из тени дубинку и рядом с ней – свечной огарок. В глубине мерещился едва уловимый зрением серебристый отблеск.

Нож! Большой, с темным вороненым клинком, на котором блестела белая полоса заточки. Я взял его, чувствуя себя, как Маугли, добывший железный зуб на Шерхана. Теперь я не сдамся волчаре без боя и Жеку смогу защитить. Теплая на ощупь рукоятка удобно ложилась в ладонь. Из чего она сделана, я не понял – показалось, что из пробки. На обушке рукоятки было выбито треугольное клеймо или какой-то знак.

– Вот это финорез! – восхитился Жека. – Дай поиграть.

– Некогда! – Я сунул нож за ремень, к спине, чтобы не пропороть себе живот, когда буду нагибаться, и, поднеся к окну, рассмотрел свечной огарок.

Чистенький он был, как из магазина, только с одного бока в натеки стеарина вплавилась пыль. Выходит, свеча еще горела, когда провалилась под пол, и случилось это совсем недавно...

Вот и стало ясно, что светилось в окне. Другой вопрос – почему человек бежал так поспешно, что потерял нож и свечку? Хорошо, если спешил на автобус. А если, наоборот, прятался от пассажиров? Тогда он может в любую минуту вернуться за ножом. Встретаться с ним не хотелось, но и выходить из дома к волку в пасть было бы сумасшествием.

А волк опять завыл, зверюга. Гулко, громко – мороз по коже. Я представил его клыки, и нож показался не таким уж надежным оружием.

От идеи забить окна досками пришлось отказаться – старые гвозди проржавели насквозь, а других не было.

– Алеш, а давай в печку спрячемся! Как Баба-яга, – предложил Жека. Понятно: вспомнил картинку из «Сказок», где Иванушка, перехитрив Ягу, задвинул ее на лопате в печку. Только у здешней печи не было заслонки. Места хватало на двоих, но в тесноте мы не смогли бы отбиваться. Волк выгрыз бы нас, как фарш из миски.

Тут я вспомнил, что печь рассыпается от старости. Я же сам с перепугу голыми руками выломал из нее кирпич, когда нужно было забить дверной крючок. Может, заложить окна кирпичами? От хозяина ножа это не спасет, зато волк

не ткнется в прочную на вид стену.

Я сунул в печное жерло дубинку, нажал, и кирпичи обрушились, подняв облако глиняной пыли. Брат понял меня без слов: схватил кирпич, уложил на подоконник и с грязной сияющей физиономией бросился за следующим.

Кашляя, спотыкаясь и сталкиваясь в пылевой завесе, мы таскали кирпичи. Волчий вой заставлял поторапливаться. Жека заложил окно уже на треть, я на своем довел кладку до середины.

В каморке становилось все темнее. Мы сами замуровывали себя. Хотя кладку можно было разрушить одним сильным толчком, у меня опять побежали мурашки.

И вдруг, когда волк переводил дыхание, чтобы снова завести свою лунную песню, мы расслышали далекий скрип, как будто кто-то катил по дороге тачку.

Глава VII. Языкастая спасительница

Бросив работу, мы стали прислушиваться. Волчара гулко выл. На месте человека с тачкой я бы уже стал человеком без тачки и бежал в город. Но когда волк умолкал, мы опять слышали скрип колеса. Звук приближался!

Выглянув из окна, я увидел бодро плывущий в тумане свет маленькой фары. Кто-то ехал по перрону на велике! Вот он остановился у наших вещей. Фара потускнела и погасла.

– Алеша! Женя! – крикнули из тумана. Голос был не те-

ти-Светин, а скорее девчачий.

– Уезжай! – закричал я. – Уезжай, здесь волк!

– Кто? – спросила девчонка, будто не слышала воя.

– Волк, серый! Уезжай!

Фара опять вспыхнула, зазвенело колесо. Велосипедистка ехала к нам!

– Надо прорываться, – сказал брат и взял наперевес дубинку. – Девчонка же, пропадет без нас.

Я здорово удивился. Еще четыре дня назад Жека ненавидел всех девчонок, даже Варю, которая всегда к нему немножко подлизывалась. Похоже, он стал выздоравливать от синдрома Пушкина-Сушкина.

Волк выводил свои рулады. Под шумок мы тихо разобрали Жекину кладку, вылезли из окна и рванули навстречу велосипедистке.

Как мы бежали! Сердце выскакивало из груди, взбаламученный туман вихрился за нами. Ожидая, что вой сейчас оборвется и волк бросится в погоню, я ощупывал нож за спиной. Жека размахивал дубинкой.

Обогнав меня, брат первым подскочил к девчонке, схватился за руль велосипеда и стал его разворачивать. Они опять сцепились. Говорю «опять», потому что девчонка была та самая, которая пыталась затащить нас в автобус.

– Убери своего полоумного брата! – вопила она. – Светлана Владимировна говорила, что у него не все дома...

Церемониться было некогда. Я восстановил мир, отвесив

подзатыльник рвущемуся в бой Жеке и заткнув девчонке рот.

– Жека не полоумный, у него нервный срыв, – объяснил я. – Это у всех бывает, даже у разведчиков и космонавтов. Дошло?

Девчонка понимающе мыкнула, и я отпустил ее:

– Что ж ты сразу не сказала, что тебя прислала тетя Света?

– Я говорила, что из кружка, помочь! А кружок у Светланы Владимировны при музее.

– Вот и надо было с этого начинать.

– Я и начинала! А твой... – начала девчонка, и пришлось опять заткнуть ей рот.

– Ты хотела сказать «твой брат Женя»?

– Угу, – подтвердила девчонка и, отковырнув с губ мои пальцы, стала развивать мысль: – Твой брат Женя, идиот и дебил с нервным срывом, как у космонавтов...

Брат Женя тяжело дышал. Даже в мертвящем лунном свете было видно, как его лицо наливается краской. Пришлось остудить больного новым подзатыльником, хотя виновата была девчонка. Учиться на своих ошибках она не желала, потому что не считала их ошибками.

Все это было бы даже забавно, если бы в ста шагах от нас не музицировал волк. Странно, что зверь не заметил нашего бегства. Или он испугался света фары и выл, жалея об ускользнувшей из-под носа добыче?

К велосипеду была прицеплена старая детская коляска

для наших вещей. То и другое девчонка взяла в какой-то деревне и вернулась за нами. Ночью, через тайгу по безлюдной дороге. Цены бы ей не было, если бы не поганый язык. Затыкая девчонке рот и отпихивая лезущего драться Жеку, я в три приема выяснил то, что ей надо было сказать с самого начала. Незадолго до нашего приезда обокрали тети-Светин музей; тетя побежала в полицию, а девчонку попросила встретить племянников.

Мы погрузили в коляску рюкзак и чемодан и, толкая велосипед, вышли на дорогу. Впереди сквозь туман темнела частая гребенка елей. Терзающий душу вой смолк, но стало еще тревожнее. Я думал, что волк, может быть, не считает свою охоту законченной. Ведь нам идти по тайге...

Жека угомонился и начал засыпать на ходу. Мы посадили его на велик.

– А ты смелая. Мы от этого волка кирпичами баррикадировались, – похвалил я девчонку. А она вдруг выдала:

– От какого волка?

Если это была шутка, то я не понял.

– От волка, который выл на станции.

– Никто там не выл!

Похоже, девчонка меня дурачила. Злилась, наверное, из-за того, что пришлось за нами возвращаться.

Дорога из укатанного гравия сменилась грунтовкой с просшей между колеями травой. Черная тайга обступила нас. Вязнущий в тумане свет велосипедной фары обманывал на каждом шагу. То чудились в нем горящие волчьи глаза, то кривая березка на обочине превращалась в горбуна со вскинутыми вверх руками. Коляска застревала в колдобинах. Казалось, что ее кто-то хватает из темноты. Если бы не девчонка, я повернул бы назад. Велосипедный руль в наших руках выдавал мои страхи, как детектор лжи: я пугался – велосипед вилял. А она шла себе, толкая руль со своей стороны без рывков и остановок, словно в парке среди ясного дня.

– Как тебя зовут? – запоздало спросил я.

– Зойка. То есть Зоя. – Девчонка церемонно протянула мне сложенную лодочкой руку.

– Алеша, – представился я, хотя она и так знала. – Зой, а что у вас за кружок?

– Краеведческий, при музее.

– Интересно?

– Было бы неинтересно, я бы не ходила, – скупно ответила Зойка. Ну, точно: злилась на нас.

На просеке заметался свет далеких фар. Ревя мотором и скача по ухабам, как лодка по волнам, к нам приближалась

машина.

– Тетя Света! – вскинулся дремавший в седле Жека.

– Грузовик, – возразил я. – Слышишь, борта громяют? Спи, брат, мы тебя так довезем.

Грузовик здорово болтало, водитель мог сбить нас нечаянно, потому что колея повела в сторону. Я потянул велосипед к обочине. А Зойка усмехнулась и вышла на дорогу.

– Знакомых узнала? – спросил я.

Поганый язык ответил многословным сравнением московских водителей, которые не чихнут задаром, со здешними, которые обязательно подберут людей на ночной дороге, пусть даже им ехать в другую сторону. Подбоченившись и торжествующе оглядываясь на нас, Зойка махнула рукой грузовику. Старый он был, как анекдоты про Василия Ивановича, вездеход «ГАЗ-66», их еще называют «шишигами». Раньше я видел такие только в кино про Советскую Армию.

«Шишига» перла на девчонку, не снижая скорости. За рулем, выставив локоть в открытое окно, сидел очкарик в клетчатой рубашке. В лунном свете я хорошо разглядел его лицо с тонкими бледными губами.

Зойка растерялась, и мне пришлось, бросив велосипед с Жекой, выдергивать ее из-под колес. Очкарик даже не притормозил.

Поднимая фонтаны грязи, вездеход промчался в двух шагах от нас. На брезентовом тенте скалил зубы грубо нарисованный череп с двумя скрещенными костями.

Грязь обдала Зойку с ног до головы. Она превратилась в негритянку. Я оказался у нее за спиной и получил только на джинсы и немного на щеку. А Зойка долго утиралась ладонями и отплевывалась, зло сверкая на меня белками глаз.

– Гробокопатели фиговы, – с презрением фыркнула она.

– Кто? – не понял я.

– Археологи. Ищут древние могильники.

– С Чингисханом? – подал голос Жека.

Мы обернулись на него и прыснули. Брошенный мною велосипед не упал, а только завалился на кусты, сильно накренившись. Жека сидел на нем в позе гонщика, входящего в глубокий вираж, и дремал с раскрытым ртом.

Толкая велик, мы пошли дальше. Ледок между нами растаял. Зойка хвасталась, какие звезды московского шоу-бизнеса заезжают к ним в Ордынск. Например, Сфинкс. Или Ассоль. Или Ювеналий. Я не знал ни одного имени, а Зойка напевала их песенки. Похоже, что любой победитель районного конкурса, добравшийся до Ордынска, становился местной знаменитостью. На его концерт шел весь город.

Я спросил о краже в музее, но Зойка уже рассказала все, что знала. Стащили что-то ценное, тетя Света была сама не своя, а времени на разговоры у них не оставалось – Зойка спешила к автобусу.

Между прочим она сказала, что до Ордынска пятнадцать с лишним километров. Зато до деревни было, как уверяла Зойка, совсем чуток, километров пять. Там живет ее дядя

Тимоша, у которого мы переночуем, если тетя Света не подберет нас по дороге.

– Я думала, что дядь Тимоша нас подвезет на мотоцикле. У него «Урал» с коляской, всех бы взял, – поделилась Зойка.

– А что же не подвез?

– Так ведь ночь какая, – туманно объяснила она.

– Какая? – уцепился я за слово. Мы-то с Жекой знали, какая сегодня ночь. Видели на станции после того, как жители города Ордынска улепетнули в автобусе. Но мне хотелось, чтобы Зойка первая заговорила о призрачном поезде. А то получится, как с волком: выложишь ей все, а она – «Никакого поезда нет, ничего не знаю».

– А я сказала «ночь»? Нечаянно, наверно: посмотрела вокруг и сказала. У дядь Тимоши мотоцикл сломался, – вывернулась Зойка и надолго замолчала.

Мы шли в тишине, нарушаемой только скрипом коляски да время от времени хлесткими ударами веток, цеплявшихся за велосипед. Совсем заснувший Жека навалился мне на плечо. Я снова закинул удочку:

– Странно, что на станции не было железнодорожников.

– А зачем? Билеты и в городе купить можно... А вы на станцию заходили? Прямо в дом?

Зойкин голос звенел от любопытства. Ох, не просто так она спросила! Стараясь не показать, что мне этот разговор еще интереснее, чем ей, я медленно сосчитал до пяти и кивнул. Руль велосипеда впервые дрогнул в Зойкиной руке.

– Как там?

– Обычно. Сначала горел свет, а когда мы подошли, уже не горел. А электричества там нет. – О найденном под полом свечном огарке я решил не говорить. Пускай будет потаинственной.

– Зря вы туда заходили. Нечистое место, – многозначительно сказала Зойка.

– Это как?

– Не понимаешь, что ли? Нечистое место, – понизив голос, повторила она. – В старые времена сказали бы, что там нечистая сила, а сейчас – что аура черная или геопатогенная зона.

По спине пробежал холодок. Я сразу ей поверил.

– А откуда ты знаешь? Кто-нибудь видел что-то странное?

– Многие видели, только говорить не любят. Прошлой зимой у лесорубов сломалась машина, как раз у станции. Шофер стал чинить, а еще двое пошли в дом греться. Занавесили окна брезентом от машины, отломали доски с пола и сидят, печку топят...

– Да, пол там сломанный, – подтвердил я.

– Стала бы я врать! – хмыкнула Зойка. – Слушай, что дальше было. Шофер повозился, повозился на морозе и тоже пошел в дом. Видит, печка горит, колбаса на газетке нарезана, эти сидят, вроде закусывают. И не шевелятся. Шофер им что-то говорит, а они как манекены. У одного бутерброд в руке – до рта не донес, так и замер. Хорошо, что шофер не

испугался, выволок их на платформу. Тут они отошли да как побегут! Он уже у Белок их догнал, когда починил машину. Спросил, конечно, что случилось, а они врут: «У печки угорели»... Белки – это деревня, в которую мы идем, – добавила Зойка.

– А что с ними было? Может, правда угорели?

– Оно и заметно, что ты из Москвы, – фыркнула Зойка. – Прикинь, голова: от угара люди вялые. Им кислорода не хватает. Я сама раз угорела, так еле выползла из дому. А эти бежали по тайге, как олени. Нет, на них морок напал.

– А это еще что такое?

– Морок-то? Вроде гипноза. Только мороки разные, и наводят их по-разному, – как о самом обычном деле сказала Зойка. – Про тех лесорубов на станции рассказывают, что нашли они старую оленью рукавичку да от большого ума и бросили в огонь. А рукавичку не простой человек потерял. Вот она и шарахнула по мужикам, чтоб не портили чужие вещи.

– А что за «непростой человек»?.. Моротизер? Как называется тот, кто наводит морок?

– Ведьмы его наводят. И колдуны. Давно их у нас не было, а теперь завелся кто-то, – мрачно ответила Зойка.

Глава VIII. Загадочный дядя Тимоша

По еловым верхушкам скользнул свет далеких, еще неви-

димых фар. Минуту спустя мы услышали приближающуюся машину. Это снова был грузовик.

– Разъездились, – удивилась Зойка. – Здесь иногда за весь день машины не увидишь. Грибы среди дороги вылезают.

Судя по басовитому урчанию мотора, машина была побольше, чем «шишига» археологов. И шла медленнее. Скоро мы разглядели ныряющий по ухабам допотопный «ЗИЛ» и, помня грязевой душ из-под колес, отошли на обочину.

Машина остановилась.

– Ребята, здесь грузовик не проезжал? – высунулся из окошка водитель.

– Минут двадцать назад, – подтвердила Зойка. – Вездеход археологический.

Водитель этого не знал.

– Слышь, Толик, она говорит, археологический, – сказал он кому-то в кабине. Луна блестела на ветровом стекле, и я не видел пассажира.

– Уже не зря ехали, – отозвался Толик. – Теперь запросто их найдем. А точно археологический?

– Ага, – подтвердила Зойка, – с черепом. Я очкастого узнала, он продавал талисман из могильника. В музей заходил, а после к дядь Тимоше, только у него никто не купил.

– Это к какому Тимоше?

Зойка усмехнулась:

– Их много, что ли?

– А ты ему правда племянница? – заинтересовался води-

тель. Похоже, дядя Тимоша был известным человеком.

– Нет у него родственников, он одинокий, – сказал из кабины невидимый Толик.

– А вот и неправда! – возразила Зойка. – Я его двоюродной сестры внучка, получаюсь – двоюродная внучатая племянница.

– Поворачивай, Петя, – скомандовал Толик. – Надо ребят отвезти, а этих поганцев мы еще достанем.

Зойка смотрела на меня с торжеством: видал, какие у нас водители?!

Толик нам уступил место в кабине и держал сонного Жеку, пока мы с Зойкой усаживались. Жеку он передал мне на руки, а сам устроился в кузове с вещами.

Раскачиваясь и скрипя, «ЗИЛ» тронулся в обратный путь. Дорога была совсем никудышная. В глубоких колеях стояла тухлая вода. Когда колеса разбрызгивали лужу, в открытое окно врывался запах болота.

– От города за ними гнались, – крутя рвущуюся из рук баранку, сказал Петя. – Устроили, понимаешь, драку на танцах.

– Археологи? – удивился я.

– Из них археологи, как из меня балерина, – сравнил Петя.

Покосившись на его внушительные плечи, я мысленно согласился, что балерина из него не получится. А две – запросто.

– Что я, археологов не знаю? – продолжал Петя. – Они

второй год у нас копают. Культурные, образованные люди: по субботам – в баню, по воскресеньям – в кино, а так сидят у себя на раскопе, косточки выковыривают из могил. Конечно, мерзость. Но чтобы драться или там спирт пить не разбавляя, этого у них нет. А вот их землекопы – просто шваль. Нормальный-то, семейный мужик не пойдет за гроши жить в палатке и могилы раскапывать.

Мне этот разговор не нравился с самого начала. У нас в Подосинках тоже местные ходят на танцы бить морды москвичам, а москвичи – местным. И у всех одна веская причина: «Они первые начали!»

– Пускай, они хулиганы, – сказал я, – а вы зачем их догнали, нормальные, семейные? Хотели конфетку дать?

– Нет, мы дружинники, полиции помогаем, – без обиды ответил Петя. Мне стало неловко, и я вернул разговор к археологам:

– А чьи могилы они раскапывают?

– Кочевников. Здесь разные народы жили задолго до русских: тунгусы, буряты, хамниганы...

– Монголы, – подсказал я.

– Само собой. Чингисхан родом из наших мест, с реки Онон.

– А что, археологи у реки копают? – Я так спросил и напрягся, как будто ждал удара в живот. Почему-то ужасно не хотелось, чтобы они копали у реки. Ведь можно добраться до замурованной под водой гробницы и с берега, пробив шах-

ту...

– Нет, за «железкой», прямо в тайге.

– Значит, они не Чингисхана ищут? – вырвалось у меня.

– Да кто ж их знает! – равнодушно сказал Петя. – Здесь в каждой деревне тебе скажут, что могила Чингисхана от них в десяти верстах, а поди проверь.

– В десяти верстах – это чтоб на правду было похоже, – ввернула Зойка. – Типа, если бы врал, то сказал бы, что совсем рядом... А на самом деле никто не знает, где могила Чингисхана.

Петя сказал:

– По мне, так некрасиво это. Человек специально приказал свою могилу затоптать конями, чтоб воры не разорили. А через восемьсот лет приходит дядя и говорит: «Я археолог, мне можно». Памятник на кладбище украсть – уголовное преступление, а ему можно? С какой стати?

Жека заворочался у меня на коленях и объявил, еле ворочая языком со сна:

– Я могил не боюсь.

– А чё их бояться! – согласился Петя. – Бояться надо живых.

Это житейское рассуждение почему-то не понравилось Зойке. Она фыркнула и сказала взрослым голосом:

– Когда в Самарканде вскрывали гробницу Тамерлана, тоже так думали!

– А что? – не понял водитель.

– А то, что вскрыли ее 21 июня 1941 года!

– Не знал! – покрутил головой Петя. – Это кто тебе сказал?

– Дядь Тимоша. И Светлана Владимировна, директор музея. Только Светлана Владимировна говорит, что это просто совпадение. Фашисты же не за одну ночь собрались воевать.

– А Тимофей Захарович что говорит? – посерьезнел Петя.

Машину качало и встряхивало. В кузове позвякивал велосипедный звонок.

– Он примерно как вы говорит: нечего в чужих могилах ковыряться, – не сразу ответила Зойка.

– А как он сам, все хворает?

Зойка вздохнула:

– Хворает.

– Вот ведь судьба у человека! Всех лечит, а себя не может, – жалостливо сказал Петя.

– Может. Не хочет просто, – возразила Зойка. – Боится силу потерять.

Я перестал понимать разговор. Кто этот дядя Тимоша – врач? И почему он потеряет силу, если вылечится?

– Это что же, условие у них такое? – спросил Петя.

– Да нет, по-моему, он сам придумал. Помыслы, говорит, должны быть чисты от своекорыстия.

– Какое ж это корыстие – себя вылечить? – удивился Петя. – А если доктор самому себе пропишет рецепт, разве он корыстный?

– Я его заморочек не понимаю, – призналась Зойка. – У доктора-то дядь Тимоша лечится. И травы себе заваривает. А, скажем, пошептать на себя ему нельзя.

– Как пошептать? – спросил я.

Зойка хрюкнула:

– Я с него торчу! Москвич, а как будто из тайги вышел. За кибиткой кочевой.

– Ты это зря, – вступился за меня водитель. – В Москве своя жизнь, у нас своя. Они не обязаны все знать. Спросил человек – объясни, а зубоскалить не надо.

– Ладно, ладно, поняла. Не дура, – ответил на замечание поганый язык. – Объясняю для москвичей: пошептать – значит, зубы заговорить или там кровь, если палец порезал.

– Твой дядя маг, что ли? – сообразил я. – Как в рекламе, «черная и белая магия, от ворот поворот», то есть «отворот, приворот»?

Петя неодобрительно покачал головой, как будто я оскорбил знаменитого дядю.

– Вот и объясняй ему, – сварливо сказала Зойка.

Я отвернулся и стал смотреть в темное окно. Не хотят говорить, и не надо. Перебьюсь как-нибудь.

– Обидели парня, – заметил Петя.

Зойка фыркнула:

– Да ну его! Подумаешь, принц на гороховом супе.

– Нет, надо сказать.

– Вот вы и скажите.

Они словно нарочно тянули время, чтобы подразнить меня.

– Он ведьмак, – многозначительно произнес Петя и замолчал, как будто все было сказано. А я тогда и слова этого не знал. Догадался, что ведьмак – вроде ведьмы, только мужчина, а расспрашивать не стал. Спасибо, что хоть это сказали.

Петя покосился на меня, оторвав взгляд от скачущей за ветровым стеклом дороги. В зеленоватом отсвете приборов он был похож на киношного мертвеца.

– В Москве своя жизнь, у нас своя, – повторил Петя после долгого молчания. – Может, и не надо тебе вникать. «Вечерка» вон каждую неделю пишет, что это суеверие и мракобесие. И тебе лучше так думать, потому что все равно не поймешь ни черта! – закончил он с неожиданным отчаянием.

Нет уж, я вникну, мысленно пообещал я Пете. Мне надо разобраться, потому что...

На «потому что» меня затормозило. По правде говоря, я до сих пор не знаю точно, почему ввязался в эту историю. Только не из простого любопытства. Из любопытства ходят в кино смотреть ужастики и попкорн есть. А я еще слишком хорошо помнил, как совсем рядом проносилась по рельсам ревушая тьма, и Жека рвался у меня из рук с невероятной в его маленьком теле силой. НЕ САМ ОН РВАЛСЯ, вот что я скажу. Жека – паникер известный, даже от маминой швейной машинки отсаживается подальше. По своей воле он бы и на край платформы не встал... Но ведь встал же! Ведь лез

под самые колеса призрачного поезда! И выходит, что воля была НЕ ЖЕКИНА!

Шел третий час, как мы приехали, а развеселые каникулы у тетушки уже дважды чуть не стоили нам жизни. Я понимал здешних жителей. Зачем рисковать, когда можно просто не пойти в дурное место, вовремя уехать с опасной станции, почитать в газетке про суеверие и спокойно заснуть. И я мог бы так прожить месяц-другой. Что-то позабудешь, что-то не расслышишь, куда-то не сунешь нос, а там и каникулы кончатся. Езжай себе домой и мучайся потом. Непобежденный страх остается навсегда. Это все знают, только не каждый признается, что просыпался от стыда за давнюю трусость. Может, я и решил во всем разобраться, потому что хотел победить свой страх?

Тайга кончилась внезапно, как расступилась. Только что справа и слева поднимались вековые ели, и вдруг оказалось, что грузовик едет по берегу, и его фары отражаются в реке.

Туман рассеялся. Вдали за рекой мерцал огнями город, маленький и красивый, как тортик. Можно было разглядеть фонарики взбегающих на пригорок улиц и белокаменные особнячки.

Потянулись деревенские заборы, где аккуратные, из досок с фигурно вырезанными верхушками, где кривые и серые, кое-как сляпанные из горбыля. Залаяли собаки, высовывая из щелей разноцветные носы. Ни одно окошко не светилось

в домах.

На отшибе, отвернувшись от всей деревни, стояла черная от старости изба с просевшей посередине крышей. Вид у нее был сказочный, как на картинке из Жекиной книжки. Я бы не удивился, появившись из темноты добрый молодец в расши- том кафтане: «Избушка, избушка, встань к тайге задом, а ко мне передом!» Другое дело, что хлипкая избушка скорее развалилась бы, чем повернулась.

Грузовик проехал еще немного и остановился. Фары осветили некрашеную дверь, подпертую поленом от кур и кошек. Других запоров на жилище ведьмака не наблюдалось.

– Рассвет скоро, а его нет, – забеспокоилась Зойка. – Петя, подождите минутку, пока я занесу велик и коляску.

– Не вопрос, – ответил водитель. – Так вы в город? А я думал, к нему.

– Нет, дядь Тимоша не любит, когда без него хозяйничают в доме.

Я заметил:

– Не любит, а у самого даже замка нет.

Зойка и Петя промолчали, как будто я сморозил глупость.

Оставив спящего Жеку на сиденье, я вышел помочь Зойке. Хотелось посмотреть, как живет ведьмак. Но Зойка не пошла в избу, а оставила велосипед и коляску в сарае. Я не особенно жалел, потому что нашел там подтверждение силы ведьмака: целую гору костылей и тросточек. Если это был рекламный ход, то просто великолепный.

– Больные оставляют, – гордо сказала Зойка.

– Я понял. В Москве бы такой целитель давно забабахал себе клинику в два этажа. И ездил на «Порше».

Зойка свысока улыбнулась:

– Ни шиша ты не понял, москвич. Приводи своего брата, дядь Тимоша его полечит. Не бойся, расплатиться сумеешь.

Больше мы не говорили о ведьмаке. Когда грузовик уже колыхался по деревне, я вспомнил, что ни во дворе, ни в сарае у дяди Тимоши не было мотоцикла. А Зойка говорила, сломался...

Между тем деревенские собаки сходили с ума. Лай, которым нас встретили, был колыбельной песенкой по сравнению с нынешним гвалтом. Звеня цепями, глухо брехали волкодавы. Заливались дворняжки, потягивали щенки. Но почему-то ни одна шавка не выскочила со двора.

Выезжая на дорогу, Петя резко затормозил. Я успел обнять спавшего Жеку, а сам, защищая его, больно ударился локтями. В лучах фар мелькнула тень с поджатым хвостом.

– Волк, – виновато сказал Петя. – Надо же, в деревню зашел.

– Это собака соседская. Я ее знаю, дядь Петь, она правда на волка похожа, – затараторила Зойка.

Петя не удивился:

– Наверно, папаша у нее волк. Спутался с деревенской собачонкой – бывают такие случаи.

Поехали дальше. Я поглядывал на Зойку. Маленькая она была, на целую голову ниже меня. Подвинув мешавшего смотреть Жеку, я начал сползать, пока глаза не оказались вровень с Зойкиными. Две трети ветрового стекла заняло небо, густо посыпанное удивительно яркими звездами. А дорогу стало почти не видно, только далеко впереди маячила цепочка фонарей. Все, что ближе, заслонил капот «ЗИЛа», как будто ставший длиннее.

Зойка не могла заметить собаку.

Она многозначительно посмотрела на меня и повторила:
– Собака!

Глава IX. Про нашу десантную тетю и город Ордынск

Тетя Света не похожа ни на кого в нашей семье. Она вообще не очень-то похожа на обычных людей.

У нас в Москве тетя объявляется осенью или зимой, когда обычные люди давно вернулись из отпусков, и как на работу ходит по театрам и музеям. В промежутках она успевает закупить чемодан книг и обойти московских знакомых. Никогда не угадаешь, что тетя делает в гостях. Я раз спросился с ней из любопытства. В квартиру набилось человек десять приглашенных специально «на Свету». Целый вечер эти чудики слушали народные песни, которые она записала в деревнях у старух.

Вместе с тетей в доме появляются удивительные и бесполезные подарки. Нож древнего человека (обколотый по краям камень). Бубен шамана (кусок вонючей кожи на кольце из прутьев). Или позапрошлогодний хит: прялка девятнадцатого века. Отличная прялка, на ходу, хоть сейчас садись и пряди. Только зачем?.. Хотя все равно приятно, особенно когда гости спрашивают, что это за штука, а ты небрежно говоришь: «Прялка девятнадцатого века».

О прялку все спотыкаются, переставляют ее в другое место, и там на нее налетает кто-нибудь еще. Она блуждает по квартире, подкарауливая нас то на кухне, то в прихожей. Кажется, что мы живем в прядильном цехе. На наши осторожные жалобы тетя Света отвечает: «Варвары! Это же уникальный экспонат ручной работы. Я спасла ее от гибели, тащила на себе из брошенной деревни». В конце концов уникальный экспонат переезжает на чердак в Подосинках. А через год тетя привозит деревянный ткацкий станок, занимающий полкомнаты, и все повторяется.

Чуть не забыл о зарядке. О таком кошмаре хочется забыть, но тетя не дает. Еще дома, собираясь в Ордынск, я не сомневался, что каждое утро буду просыпаться от знакомого крика: «Инвалидная рота, подъем!»

– Инвалидная рота, подъем! – кричала тетя Света.

Нет, нельзя, нельзя брать женщин в армию и особенно – в десантники!

Я открыл глаза и увидел рамку с пожелтевшей гравюрой «Геройский подвигъ Кузьмы Крючкова». Геройский Кузьма с Георгиевским крестиком на гимнастерке пришпоривал коня и протыкал пикой сразу двух немцев в касках с острыми шишаками. Сзади с винтовкой наперевес набегал третий. У него было обеспокоенное лицо, как будто немец боялся, что не успеет проткнуться.

На столе, на подоконниках и на полу стояли самовары – желтые и медно-розовые, пузатые и грудастые, а один, маленький – кубиком. Уникальных прялок тоже хватало, так же, как и уникальных коромысел, уникальных комодов и уникальных сундуков. На одном из них, размером с ящик от рояля, лежал я. Потолок заметно наклонялся к окну. Похоже, мы были на чердаке, в запаснике музея.

Жека вчера выспался по дороге и теперь скакал на кровати с визгливыми пружинами. Чувствовалось, что это увлечение надолго. Дома у него диван с одним поролоном, на нем так не поскачешь. С кроватной спинки успел пропасть блестящий шарик.

– А я сон видел, – поделился брат.

Я знаю его подходцы, поэтому сразу предупредил:

– Не все сны сбываются. Скажем, про мороженое или чипсы – это вещий сон. Если слушаться будешь. А про планшетник лучше даже не смотри – или, наоборот, смотри во сне, потому что наяву нам с тобой денег мало дали.

– Я про поезд.

– А про поезд сбудется в августе. К школе вернемся в Москву, не волнуйся.

Жека перестал скакать.

– Алеш, я не прошу ничего, а просто видел сон. Как будто еду в поезде, а тебя нет.

– Страшно было?

– Не, там пассажиры добрые. Странные только.

– Я тоже с утра добрая. Была, – тетя Света нависла над Жекой, как сенбернар над мышонком. – Марш в туалет, пока я не стала оч-чень странной!

Жека пискнул и рванулся было выполнять приказание. Поймав его за шиворот, тетя безошибочно вынула из кармана Жекиной пижамы кроватный шарик и стала приворачивать на место.

– Свободен! Через пятнадцать минут выбегаем!

Сегодня десантница нас баловала: уникальные ходики на стене показывали без четверти девять. Вот это щедрость с ее стороны. Просто буйство доброты. Так тетя Света поднимает нас в половине восьмого (каникулы и выходные во внимание не принимаются) и выгоняет на зарядку все семейство, включая папу и маму. Новорожденную Ленку она еще не видела. Могу поспорить, что тетя и ее выгонит, лишь бы к тому времени Ленка научилась ползать.

Я лежал, смакуя последние секунды покоя. Десантная тетя подошла, но вместо крика: «Ты что валяешься?!» я услышал удивленное:

– А это у тебя откуда?

Нож! Большой, острый, взрослый. Вчера я забыл его спрятать. А теперь он оказался у тети Светы в руках, и было ясно, что прапорщик запаса не оставит детям холодное оружие.

– Это наш, – соврал я. – Папа дал в дорогу, колбаски порезать.

– Вот уж не знала, что мой брат – колдун, – с иронией заметила тетя. – Алешка, где вы нашли нож?!

Я тянул время:

– Теть Свет, мы в музее, что ли?

– Всё заспал! – улыбнулась тетя. – А помнишь, как мы с Зоей вытаскивали тебя из кровати купеческой дочки?

Последнее, что я хорошо помнил – как ехали в старом грузовике и разговаривали с водителем Петей о могилах в тайге и всяких необъяснимых явлениях. А Зойка орала мне в ухо: «Скоро приедем! Не спи! Замерзнешь! Москва!» Откуда здесь Москва? Или это я – «Москва»? И зачем орать? Мы же потом пошли в гости к семье безголовых людей, значит, я не спал... Еще запомнил, как бродили по темным комнатам, в которых жили безголовые, и тетя знакомила меня с их главным, заставляла пожать его холодную руку... Но дочки там не было. Кажется... Хотя отнимали же у меня атласную подушечку! До сих пор жалко – удобная была, мягкая, как облако. Девчачья, одним словом... Выходит, я правда залез в чужую кровать?!

– А она что? – спросил я.

– Дочка-то? Глафира Африкановна? Думаю, обрадовалась. Такой завидный женишок на старости лет... Ей же, дочурке, за сотню давно перевалило! – Тетя уже открыто смеялась.

Тьфу ты! А ведь я почти поверил...

– Еще при царе в этом доме жил купец Большаков Африкан Саввич со всем семейством, – стала объяснять тетя. – Известно о них только то, что мы разыскали в церковных книгах: когда крестились, когда венчались... А мне хотелось устроить все в музее, как будто Большаковы по-прежнему здесь, только вышли на минутку. Старинных вещей у нас много, но ведь нельзя выставлять все без разбора. Скажем, у Жеки в комнате собаки и супергерои, у тебя – плакат с танком, и можно сразу сказать, что здесь живут мальчишки, и ты – старший брат... А что у людей, которые здесь жили? И мы с Таней-экскурсоводом придумали им характеры. Африкан Саввич увлекался охотой – повесили ему на ковер два ружья. Глафира мечтала выйти замуж за офицера – для нее собрали альбом с портретами героев Первой мировой войны... В общем, сам увидишь, – заключила тетя. – Музей под нами, а мы на бывшем чердаке, теперь это моя служебная квартира. Еще вопросы будут?

– Будут. Почему ты сказала, что папа колдун?

– Потому что нож колдовской. – Тетя присела ко мне на сундук. – Вот этот значок – Всевидящее око, древний божественный символ. Синий клинок символизирует воду, бе-

лое лезвие – ветер, весь клинок целиком – огонь, потому что сталь без огня не куют, а берестяная рукоятка – землю, потому что деревья растут на земле.

– Берестяная? – Теперь я увидел, что рукоятка и вправду набрана из пластиночек бересты, нанизанных на штырь. А вчера думал, она пробковая.

– Вообще, рукоятка может быть из любого дерева, а берестяная – это местная особенность. Она даже в мороз теплая на ощупь. – Тетя Света насупила брови: – Так я жду!

И я признался:

– Мы его нашли на станции, в пустом доме. Он за половицу провалился.

– Зачем вас туда понесло?! – ужаснулась тетя. Мне показалось, что сейчас она скажет, как Зойка: мол, место там нечистое. Но десантная тетя не верила в нечисть. – Он же прогнал насквозь, этот дом. А если бы крыша на вас обрушилась?

– Мы ждали, что нас встретят, – объяснил я. – А на станцию ходили тебе звонить. Не сразу разглядели в тумане, что дом пустой.

Тетя не поняла намека. Она считала, что поступила правильно, послав за нами бестолковую Зойку. Подумаешь, племянников чуть волк не загрыз. Кража в музее важнее. Поглаживая рукоятку ножа, она сказала:

– Ты представить не можешь, Алешка, насколько это ценный экспонат. Я семь лет охочусь за таким ножом, с тех пор, как сюда переехала. Так и думала: валяется он в каком-ни-

будь заброшенном доме... Говоришь, вы его под полом нашли?

– Под полом. Там еще свечка лежала. Теть Свет, по-моему, их недавно кто-то потерял: нож не заржавел совсем.

Тетя повертела нож в руках:

– Мне больше нравится думать, что его спрятал какой-то колдун, когда их гнали на поезд. А если нож потеряли недавно, то новый хозяин просто не знал, чем владеет.

Меня как пружиной подбросило:

– НА КАКОЙ ПОЕЗД?!

– Ты что вскинулся? – удивилась тетя. – На позорный поезд. Из теплушек с колючей проволокой на окнах. В двадцатые годы собрали всех здешних попов, бурятских шаманов, колдунов и сослали в лагеря, чтобы они людям головы не морочили. До этого при царе Алексее Михайловиче колдунов и ведьм сжигали живьем, а потом в России много столетий не было такого варварства...

Я почти не слушал. В глазах стояла ночная картина: луна, молочный туман и скользящие по нему тени коротких вагонов. Товарные вагоны с печкой, чтобы возить людей – теплушки. Сейчас таких не делают. Это история, кино: «Залазь, казачок, в теплушку».

– ...Особенно пострадали буряты, – говорила тетя. – Шаманы были для них и лекарями, и предсказателями погоды, и хранителями народных преданий.

– А колдуны? – спросил я.

– А зарядка? – Тетя встала. Нож она не выпускала из рук. Все время на него поглядывала. – Ценнейший экспонат! Лешка, можешь просить за него все, что в моих силах.

Я и попросил:

– Зарядку не делать.

Через пятнадцать минут мы бежали по городским улицам. Не делать зарядку было выше тети-Светиных сил.

Утренняя зарядка в исполнении бывшего прапорщика воздушно-десантных войск – это пятикилометровый кросс в любую погоду. На каждой встречной лавочке нужно десять раз отжаться, причем не от лавочки, а от земли. На лавочку кладутся ноги, чтоб рукам тяжелее было.

Мы бежали и отжимались. Отжимались и бежали.

Ордынск был похож на город только в центре. Под ногами асфальт, дома старинные, в два, в три этажа; по окнам видно, что стены толстые, как в крепости. На широких подоконниках где горшок с геранью, а где большая дымчатая кошка или сразу две. Но стоило чуть отбежать по переулку, как мы оказались среди одноэтажных домишек сельского вида. На кустах за невысокими палисадами завязались мутно-зеленые ягодки. (Крыжовник, наверное. Или калина? Разберусь, когда созреет.) Посреди улиц росла трава. Паслись гуси, неохотно разбегаясь от редких машин. Тротуары были деревянные, представляешь? Километры дощатых помостов. Я понял, что в дождливое время улицы развозит от грязи.

В темпе пробежав еще немного, мы попали уж вовсе в деревню без тротуаров, с некрашеными серыми избами. Тетя Света посадила уставшего Жеку себе на шею. Задыхаясь, я смотрел на нее и стыдился своей немощи.

Под обрывом блестела река. Я спросил:

– Это не Онон?

– Нет, его приток. Онон дальше... Салаги отдыхают, старослужащие – на тот берег и обратно, – приказала тетя Света, прыгая вниз по вырубленным в глине ступеням.

– Я плавки не взял. Предупреждать надо было, – сказал я с большим удовольствием, потому что еще не простил тетиного коварства. Кто ее за язык тянул: «Проси, что хочешь»?! Наобещала с три короба и не выполнила.

– В трусах искупаешься! – отрезала тетя Света.

Я стал раздеваться. Спорить с ней бесполезно. Не успеешь раскрыть рот, как уже будешь плавать в чем есть, не снимая кроссовок... Тетя скинула сарафан и баттерфляем крейсировала вдоль берега, дожидаясь «инвалидную роту».

Вода была холоднющая. С огородов на нас глядели старухи в темных платьях и повязанных по брови косынках. Пока мы плавали за реку, одна подошла к Жеке. Я, понятно, не слышал, о чем они говорили. Но догадался, когда старуха объявила тете Свете, что может пристроить нашего лишнего «рабенка» в хорошую семью. «Рабенок» с торжествующим видом грыз подаренное старухой яблоко.

– Я подумаю, – ответила тетя Света.

Жека, ожидавший, что его будут уговаривать: «Не покидай нас, останься!» – с воплем шарахнулся от старухи и улепетнул так резво, что мы догнали его только через две улицы.

– Растешь, Евгений, – похвалила его тетя. – Вижу, ты можешь сам пробежать всю дистанцию.

И на обратном пути ни разу не взяла его на шею, хотя Жека еле волочил ноги.

В квартале от музея тетя на бегу бросила мне ключи:

– Позавтракайте чем найдете. Мне надо зайти по делам. – И свернула к двери с вывеской «Интернет-кафе».

«Чем найдете» – это в ее духе. Мама до сих пор не доверяет Жеке даже газ под чайником зажечь. А мне только чайник и доверяет.

Мы сразу пошли прогулочным шагом. Ну его, этот кросс. Набегались.

Жека стал рассказывать свой сон про поезд. Как пассажиры ели кашу из общего котелка, а у него не было ложки... Я оглядывался, не догоняет ли нас десантная тетя, Жека тянул за рукав и ныл, что я не слушаю. Смотрели мы куда угодно, только не вперед, и нос к носу столкнулись с плешивым дядькой в измятом костюме с галстуком. Мы вправо, и он вправо. Мы влево, и плешивый туда же. Я взял Жеку за руку и встал. Пускай плешивый хорошенько все обдумает, авось и разойдемся с третьей попытки.

– Алексей и Евгений! – сказал он строго, как будто объ-

явил: «Вы арестованы!»

Глава X. Странный стоматолог

Нет, ты понял?! Мы шли не по Москве и не по дачным Подосинкам, а по городу Ордынску в Забайкалье. Это очень далеко. Всех наших здешних знакомых, включая Жекину старуху, можно было пересчитать по пальцам одной руки. И вдруг этот плешивый называет нас по именам! Ведьмак, решил я и сильно разочаровался. Мне представлялось, что ведьмак высокий, худющий, седобородый, с огнем в звериных желтых глазах.

– А мама не велит нам с чужими разговаривать, – сообщил мой бдительный брат. – А почему на вас пиджак мятый, вы от жены убежали? А хотите, я вас научу? Купите себе уютю по телику, позвоните прямо сейчас и получите картофеле-чистку в подарок.

Плешивый вдруг бесцеремонно схватил Жеку за подбородок и заставил раскрыть рот.

– Дырочка в правом моляре! – заметил он осуждающим тоном. – Думаешь, если зуб молочный, то его пломбировать не нужно? Да у тебя во рту рассадник микробов! Они заразят остальные зубы.

Жека поспешно выплюнул микробов.

– Не поможет, – понял его плешивый. – Только пломбирование! Приходите ко мне, и как можно скорее. Мой каби-

нет отсюда в двух кварталах.

И плешивый всунул мне визитку:

ЗУБЫ

Лечение, протезирование,

исправление прикуса

кандидат медицинских наук

Скорятин Борис Михайлович

Если на ведьмака Борис Михайлович не тянул, то в зубные врачи годился как нельзя лучше. Он был самый обыкновенный, а это важно, когда ты садишься в кресло и стоматолог заносит зудящее жало бормашины. От мрачного старика со звериными глазами я бы удрал.

– Я, собственно, хотел спросить, когда откроют музей, – сказал стоматолог, еще раз удивив меня. Надо же, какая тяга у человека к истории родного края. С утра пораньше – в музей.

– А у тети Светы чегой-то своровали! – выложил Жека.

– Да-да, я уже слышал. Какое варварство! – стал сокрушаться Борис Михайлович. – И ведь наверняка сплавят вещи за бесценок. В нашем городе их некому продать: настоящих ценителей антиквариата мало, и они не станут связываться с ворованным. Я бы лично не стал.

– А вы настоящий? – бестактно спросил Жека.

– Смею надеяться. У меня самая большая коллекция икон в городе.

Сказав это, стоматолог вспомнил, что пора открывать ка-

бинет, распрощался и ушел.

На душе было муторно, как будто нам впарили подпорченный товар.

Если подумать, в эффектном появлении Скорятина не было ничего подозрительного. Город маленький; собиратель икон, конечно, знаком с директором музея и мог слышать, что к ней должны приехать племянники Алеша и Женя. Увидел на улице нездешних ребят, подошел... Только зачем? Спросить, когда откроют музей? Вряд ли. Ведь Жека ему не ответил – понес про кражу, а Скорятин не переспросил. Наоборот, он сам оборвал разговор и ушел, как будто добился своего.

Я так и не понял, что ему нужно.

Глава XI. Шаманы, КОЛДУНЫ, ВОЛХВЫ И ВОЛХИТКИ

Завтракали без тети Светы. Она пришла, когда Жека, наевшись, устраивал на клеенке пруд из чая. Оказалось, что в интернет-кафе тетя сочиняла пояснение к ножу. Заставив Жеку осушить пруд тряпкой, она прочла нам уже отпечатанную на цветном принтере страничку.

НОЖ КОЛДУНА применялся для срезания трав, а также для изгнания нечистой силы, снятия заговора и других магических действий.

Нож – проводник силы, которую колдун черпает из четы-

рех стихий: Земли, Ветра, Огня и Воды. Считалось, что колдун, потеряв нож, утрачивает значительную часть своих магических способностей до тех пор, пока не сделает себе другой. Впрочем, он легко находил потерю, так как ощущал магическую связь с ножом. Если же этот символ колдовского ремесла присваивал непосвященный человек, его ждали беды и болезни.

Жека послушал, сделал выводы и объявил:

– Я ножик не трогал! Даже смотрел не очень внимательно.

– Да ты предатель, Евгений! – изумилась тетя Света. – Нож вы нашли вдвоем, а беды и болезни одному Алешке?

– Ладно, вот сейчас я заболēju с братом за компанию. А про маму ты подумала?! Что ли, ей легче будет, если у ней два сына загнутся?! – возмутился Жека. Он легко покупается на розыгрыши, хотя сам большой обманщик.

Тетя Света нехорошо улыбалась:

– А, так ты ради мамы?

– Ради, – согласился Жека.

– Значит, подтверждаешь, что нож ты не находил?

Чуя подвох, Жека помялся и неохотно кивнул:

– Подтверждаю.

– В таком случае подарок достанется одному Алешке.

– Какой еще подарок?! – басом взревел Жека.

– Ценный, – безжалостно сказала десантная тетя. – Я еще не решила, какой.

Для Жеки это был потрясающий удар. Если, например, мне отрежут кусок торта с розочкой, а ему с листиком, розочка будет со слезами вытребована и в конце концов останется на блюде, потому что Жека не любит крема. Он борется не за розочки, а за справедливость.

На клеенку часто закапало. Больной дул губы, готовясь зареветь в голос.

– Я надеюсь, это слезы радости за брата? – грозно поинтересовалась тетя.

Жека с шумом втянул соплю и подтвердил:

– Ага. Они самые.

Чтобы подсластить пилюлю, тетя предложила измерить Жекин рост. Он обожает эту процедуру. Стоит у дверного косяка, тянется на цыпочки, а его осаживают, и прикладывают к макушке линейку, и чертят на косяке карандашом. «Готово?» – спрашивает Жека. Отходит, придирчиво смотрит на карандашную черточку и замечает: «Чтой-то низковато. Маленький я еще».

Ладно. Тетя отметила его на косяке, написала: «Жека», число, год, и мы пошли в музей выставлять колдовской нож. Мне уже было не жалко с ним расставаться. Пускай люди смотрят.

Музей назывался: «Купеческая усадьба начала XX века» (а во дворе была еще «крестьянская усадьба» – перенесенная из брошенной деревни старая изба со всей обстанов-

кой). Скучно, доложу я тебе, жили купцы. На первом этаже лавка с товарами, на втором комнаты. Мебель так себе, в основном сундуки да комоды. Из развлечений – самовар и балалайка. Безголовые манекены донашивали купеческие костюмы и платья с желтыми от старости кружевами.

Куда интереснее было в зале под названием «Народные обычаи, верования и суеверия». Я там не знал простейших вещей, как будто попал на другую планету. Скажем, вчера было седьмое июля, обычный день. А для наших предков – двадцать четвертое кресеня, праздник Ивана Купалы, которым закончилась русальная неделя.

В настенной витрине красовались вещи бурятской шаманки: бубен и рогатая шапка, обшитая монетками. При ходьбе они звенели, распугивая злых духов. Сама шаманка глядела со старинной фотокарточки. На шее у нее вместе с бусами в два десятка ниток висела крышка от консервной банки.

Разогрев над огнем бубен, шаманка плясками и заклинаниями вызывала духов, чтобы вылечить больного, наладить погоду или навредить врагам. Магия магией, но шаманы прекрасно знали целебные травы, умели соединять сломанные кости и останавливать кровь. Они появились в доисторические времена, а исчезли за несколько лет. Если бы шаманка просто лечила, без духов и плясок с бубном, ее, наверное, оставили бы в покое. Но без духов и плясок она не умела и за это погибла в лагерях. А бубен, шапка и фотокарточка достались тете Свете от ее правнучки.

Тысячу лет назад на Руси были похожие люди – мудрые волхвы и волхитки, служители языческих богов. Так же как шаманы, они занимались врачеванием и хранили древние тайны. В былинах волхвы предсказывают будущее и оборачиваются то волком, то соколом или мотыльком.

Потом Русь крестилась. Языческих идолов побросали в реки, а волхвы и волхитки со временем стали деревенскими колдунами и ведьмами, знахарями и бабками-зелейницами. Как и прежде, их ремесло обставлялось всяческой магией и просто выдумками. Пропало у коровы молоко – значит, ведьма его сдоила. Хорошенько разварив черную кошку, можно добыть из нее косточку-невидимку. Если горсть земли с того места, где дрались петухи, бросить между твоими врагами, они перессорятся.

Надзирал за этой компанией ведьмак – мрачная личность с хвостиком и двумя душами, человеческой и бесовской. Он делал много хорошего: лечил, находил потерянные вещи, оберегал народ от козней колдунов и ведьм. Некоторые видели, как на безымянных могилах он дерется с мертвецами и всегда побеждает. Но тех, кто его рассердит, ведьмак мог лишить зубов или зрения. Люди боялись одного его взгляда.

– А ты сама в это веришь? – спросил я тетю Свету.

– Нет, конечно. Это часть нашей культуры, образованный человек должен ее знать.

С ножом в руке тетя остановилась у витрины с оберегами, ладанками, расшитыми поясками, которые должны были

охранять от нечистой силы. В углу стояла дворницкая метла. Половину витрины занимала сложная конструкция из горшков и трубок. В ней перегоняли ведьмовское зелье.

Жека сунулся к витрине:

– А метелка зачем?

– Помело. Летательный аппарат ведьмы. Действующая модель, – пошутила тетя, отвинчивая с витрины стекло.

А Жека углядел, что по бокам стекол нет, и засунул в щель руку, чтобы потрогать ведьмин летательный аппарат. Само собой, уронил. Иначе это был бы не мой отправленный на лечение брат, а кто-то другой. Падая, помело своротило с подставки горшок, и он вывалился тете Свете на ногу.

– Красивые витрины, а неудобные, – пожаловалась она, устанавливая Жеку в угол. – И пыль в них летит, и некоторые шаловливые экскурсанты трогают экспонаты.

– Это непедagogично. Если меня наказывать, я вырасту безынициативным, – заметил из угла шаловливый экскурсант. Он этих слов нахватался у детского психолога.

Тетя Света даже не взглянула в его сторону. Нож как самый ценный экспонат она повесила в середину витрины, подвинув для этого ведьмовские горшки. Попробовала, можно ли дотянуться до него рукой сбоку, убедилась, что нельзя, и стала приворачивать стекло на место.

– А дядя Тимоша... – начал я.

– Уже слышал про него? – не удивилась тетя Света. – Тимофей Захарович – очень сильный народный целитель, а все

остальное – досужая болтовня. Он сам не говорит: «Я ведьмак». Правда, и не спорит, когда его так называют.

– А почему?

– Потому что больного легче вылечить, если он верит в чудо. В этом, кстати, один из смыслов магических заклинаний: колдун говорит непонятно, а больной думает: «Ну, этот все тайны знает!»

– А другие смыслы?

– Например, засекают время. Варишь лекарство и читаешь заклинание. Прочитал – готово, снимай с огня.

– И никаких чудес?

Тетя Света ответила не сразу. Отойдя от витрины, она полюбовалась ножом, перешла к фотокарточке шаманки и долго смотрела в ее черные глаза.

– А что такое чудеса? – спросила она и сама ответила: – То, что мы не можем объяснить. Для нее чудом был паровоз. Для нас – то, что деревенский дядя Тимоша ставит на ноги больных, от которых отказались врачи.

Я не заметил, как исчез Жека. Минуту назад он чинно-благородно стоял в углу. И вдруг из-за приоткрытой двери в соседний зал послышался вопль, и в то же мгновение зазвенело разбитое стекло. Мы с тетей бросились на помощь.

Жека сидел на полу среди осколков и ревел, посасывая сбитый кулак:

– Он первый начал!

Картину можно было бы назвать самой обыкновенной, если бы обидчик, на которого указывал дрожащий Жекин палец, не умер сотни лет назад. Его коричневые кости лежали в стеклянном гробу с разбитой крышкой. Ржавый боевой шлем, седло под головой – все, как на фотокарточке, выпавшей из черной тетради.

Глава XII. Когда шевелятся скелеты

Жекины ранения оказались несерьезными: он только сбил костяшки пальцев, ударив кулаком в стекло. Даже не порезался. Тетя Света прижгла ссадины йодом, выдала нам по венику и заставила убираться. Сама она с величайшей осторожностью вынимала осколки, просыпавшиеся в гроб. Оправдываясь, Жека пискнул, что скелет погрозил ему пальцем. Тетя ответила тяжелым неверящим взглядом, и он замолчал.

Выметая осколки, я оглядывался. У тети все по-армейски четко: каждая витрина, каждый экспонат надписан. Этот зал назывался «Народы Забайкалья», и – вот они, народы. Кочевник в меховой шапке с лисьим хвостом, в халате, в остроносых сапожках позирует для фотографа, сидя на низкорослой лошадке и до уха оттянув тетиву лука. Снимок старинный, наклеенный на картонку с надписью: «Фотографія Берга въ Чите». Другие фотки цветные, недавние: старухи и девушки в национальных костюмах. В витринах конские уз-

дечки, сабли, луки со стрелами. Сразу видно, что люди всю жизнь проводили в седле, а не в лавке, торгуя мукой и гвоздями.

Над стеклянным гробом Жекиного обидчика скелета висел стенд «Раскопки в нашем районе». Тоже все четко. Карта, на которой я узнал Ордынск-город и Ордынск-станцию; за железной дорогой, посреди тайги, обозначено место раскопок. Археологи открыли там целый некрополь – город мертвых. На фотографиях скелеты древних воинов лежали в ряд, сжимая костяными пальцами рукоятки сабель. Судя по всему, и скелет в стеклянном гробу был оттуда.

Одна фотка сразу бросилась в глаза. Точно такую же мы нашли в черной тетради! Правда, музейная была вчетверо больше, но я бы поспорил, что это увеличенный отпечаток того же снимка.

Все это приходилось разглядывать урывками, выметая стекла, поэтому я не сразу прочел на стенде:

МОГИЛА ЧИНГИСХАНА
ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, ГИПОТЕЗЫ

Думаешь, как начиналась первая легенда? «Сыновья уложили его в гроб из цельного дубового кряжа, выложенный внутри золотом»...

Мне стало грустно. Вчера в поезде, когда мы с Жекой до хрипоты читали вслух черную тетрадь, я волновался, как будто нашел старинную карту с кладом. Конечно, я не надеялся, как Жека, добыть сокровища, поныряв у скалы. Но при

случае обязательно съездил бы к ней посмотреть. А теперь оказалось, что легенда не просто известна нескольким ученым, а отпечатана большими буквами и выставлена в музей. Все мое волнение пропало. Тайна стала не интереснее, чем параграф из учебника.

Закончив уборку, я отдал черную тетрадь тете Свете. Было ясно, что и бородатый археолог, и тетрадь ей знакомы. А то бы откуда она слово в слово списала легенду?

Суровая тетя обрадовалась, как девчонка, и рассказала нам целую историю. Оказывается, древние могилы нашла она!

О скелетах в тайге тетя слышала с тех пор, как поселилась в Ордынке. Здесь каждый с детства знал эту страшилку. Говорили, что местный охотник решил закоптить какую-то дичину в яме, накрытой сырыми ветками. Стал копать и отрыл череп в шлеме. Попробовал в другом месте и угодил на второй. У человека, в одиночестве бродившего по тайге, заиграли нервы, и... Дальше сочиняли кто во что горазд. То ли охотник сошел с ума. То ли подался в монахи и принял обет молчания. То ли его погубило древнее проклятье...

Таких баек у меня самого вагон и маленькая тележка. В Подосинках как соберемся с ребятами вечером, чтоб потемней и пострашней, и давай рассказывать. И про скелеты, и про красные перчатки, и про гроб на колесиках. Так что – верить всем, что ли?.. А тетя поверила! Стала дальше спрашивать по деревням, и в одной... Нет, могилы ей не показа-

ли. Зато предупредили, что есть место на таежной дороге, которое надо проскакивать на третьей скорости, а пешком там лучше вообще не ходить. А то бывали случаи... Какие? Да разные... Привыкай, женщина, здесь тебе не Москва. В тайге бывает всё! А если чего не бывает, то, скорее всего, на самом деле оно бывает, только мы не знаем.

Тетя стала затемно приезжать на опасную дорогу и, дождавшись рассвета, прочесывать тайгу с выпрошенным у военных старым миноискателем. К десяти утра ей нужно было возвращаться на свою главную работу в музей, да и высыпаться иногда нужно даже десанникам. Казавшееся несложным дело затягивалось. Осенние дожди и поздние рассветы замедлили поиски, а зима заставила прекратить их вовсе. Весной тетя вернулась в тайгу, разыскала на кедровых стволах свои прошлогодние зарубки, успевшие заплыть смолой, и провела еще одно лето, лазая по буреломам, наводившим ужас на местных охотников. А потом еще одно. Таежной жути, которой ее пугали в деревне, тетя так и не обнаружила, а могилы нашла. Однажды надоевший писк в наушниках миноискателя поднялся до визга, показывая скрытое под землей железо. Маленькой пехотной лопаткой тетя откопала первый скелет...

– Откопала ты, а главный теперь – этот... Растерях тетрадный! – бестактно заметил Жека.

Тетя улыбнулась:

– Антон Антонович его зовут, а для своих – Тон-Тон... Я на него не в обиде. Между прочим, его экспедиция подарила музею скелет, с которым ты подрался. А за тетрадь я у него выпрошу еще две-три сабли в хорошей сохранности!

На радостях тетя легко простила Жеке разбитое стекло, правда, с условием, что мы ходим в строительный магазин за новым.

Мы уже собрались идти, как вдруг явился полицейский с чемоданчиком снимать отпечатки воровских пальцев. Жека попросился посмотреть, как он работает.

Обворованная комната изображала кабинет купца: конторка (это вроде трибуны; за ней писали стоя), счеты, обязательный сундук, лампадка в пустом углу, где недавно висели иконы. От украденных экспонатов остались одни таблички: «Чернильный прибор (малахит, бронза). Урал, XIX век», «Самовар (серебро). Тула, XIX век». «Троица. Подражание Андрею Рублеву, XIX век».

Помимо «Троицы» воры унесли еще четыре иконы в окладах из серебра с речным жемчугом. Для маленького Ордынска это была без преувеличения кража века.

Изучая место преступления, Жека прикоснулся ладонью к стене, и нас мигом выставили на улицу. Музей был закрыт по случаю кражи. Тетя отперла нам дверь.

– Жду вас через час, не раньше, – объявила она, вручая мне запасные ключи, деньги на стекло для скелета и бумажку с размерами.

Магазин мы разыскали быстро, но стекло пока не купили, а пошли куда глаза глядят, чтобы убить время.

– А чего полицей заругался?! – ныл Жека.

Я стал объяснять:

– Он же отпечатки пальцев снимал. Видел порошок с кисточкой? Порошок пристает к отпечаткам, потом их переносят на липкую пленку. А когда найдут подозреваемого, отпечатки сравнят с его пальцами. Теперь главный подозреваемый – ты.

– Это почему? – не понял Жека.

– А потому что нечего было за стену хвататься. Ты же оставил отпечатки.

Жека с опаской посмотрел на ладони:

– Я руки мыл!

– Неважно, порошок все равно проявит отпечатки. Возьмут тебя за шкирку: «Где чернильный прибор (малахит, бронза)?»

– Разберутся, – сказал Жека.

– Конечно, разберутся. Недельку тебя подержат, пока наш поезд не поедет обратно в Москву. Тогда Галя подтвердит, что мы сошли в двенадцать часов ночи и не могли обворовать музей.

Жека подумал и решил:

– По справедливости нас обоих должны за шкирку. Мы же братья!

За час мы обошли весь центр города. На нас глазели. Жека одевается, как жертва землетрясения, сброшенная с постели толчком в девять баллов: бейсболка козырьком назад, рубаха расстегнута, майка висит, штаны болтаются. Такая мода у них в первом классе. А здесь по улицам шатались засупоненные пацаны в помятых костюмчиках. Встречая знакомых, они не орали за километр: «Хаяюшки! Какие люди без охраны!» – а здоровались за руку и выдавали ценные наблюдения. К примеру, «Неслабо клевал чебачок сегодня на зорьке. Я полведра взял на пареный горох». Их взрослая степенность забавляла Жеку. Он влезал в чужие разговоры и передразнивал, нарываясь на заслуженный пендель. Но аборигены не снисходили до драки. Оценив разгильдяйский вид чувака, они отворачивались.

В магазине стройматериалов нам вырезали стекло и налепили на него бумажки, чтобы не порезать руки. Мы несли его вдвоем, Жека – впереди. Всем встречным он кричал шагов за пять:

– Может, вы думаете, что мы идем просто так, а у нас тут прозрачное стекло! Между нами нельзя проходить, только сбоку!

Стекло было толстое и тяжелое. Даже я намаялся, а у Жеки от усталости разжимались руки. Один раз он упустил стекло, но у самой земли поймал, подставив кроссовку. Я и съязвил:

– Несправедливость какая! Стекло разбил скелет, а таскать приходится тебе.

– Стекло разбил я, – серьезно сказал Жека, – но, Алеша, он правда тянул ко мне руки!

– Час назад он тебе пальцем грозил, – напомнил я. – А завтра что ты скажешь?

– Я так и думал, что мне никто не поверит, – печально вздохнул Жека, и у меня дрогнуло сердце: а вдруг?! Я же знаю своего братца. Чем отчаяннее он врет, тем сильнее обижается, если не верят. Однажды подрался с лучшим другом Гришкой, доказывая, что видел говорящую собаку...

Мы шли по центру города. Вовсю палило солнце. На крышах домов торчали спутниковые «тарелки». Ночные страхи были далекими и ненастоящими, как сон. Даже призрачный поезд сейчас казался обманом зрения, оптическим фокусом тумана, темноты и лунного света. И я решил, что Жека, скорее всего, не врет, но мог ошибиться. Померещилось ему, что скелет шевельнулся, вот и все.

Глава XIII. Загадка на загадке

На крыльце музея, подперев кулаком щеку, с терпеливым видом сидела Зойка. Прикрепленная тетей Светой записка «Закрывается по техническим причинам» еще белела на двери.

Жека заторопился. Его распирали знания, полученные сегодня в музее. Допыхтев до крыльца, он опустил на ступень-

ку свой край стекла и со всей прямою будущего второклассника ляпнул:

– А правда, что у твоего дяди хвост?

Зойка не удивилась вопросу:

– Подглядывала я за ним, что ли? Люди говорят, должен быть хвост, а на хвосте четыре волоска. Ведьмакам так положено. Только люди ведь и фигню часто говорят.

Меня начали здорово раздражать чудеса города Ордынска. Вчера Зойка болтала про морок и заколдованное место, сегодня тетя добавила про шаманов, колдунов и ведьм. Неудивительно, что после таких сказочек у Жеки скелет зашевелился!

– Зойка, – сказал я свысока, – а ты сама-то думаешь, что говоришь? Ведьмак! Скажи еще, что твой дядя дерется с мертвецами.

– Не видала, не знаю, – пожала худыми плечиками Зойка. – Я одно скажу: когда люди говорят про то, в чем не соображают, всегда получается ерунда.

Вот так отбрила! Кажется, в Зойкиных глазах я был ничуть не лучше сочинителей небылиц про ведьмачий хвост. Они считают дядю Тимошу слишком необыкновенным, я – слишком обыкновенным. Но у обыкновенных людей в сарае не валяется гора костылей. Наверное, и у самых лучших врачей редко бывает, чтобы человек приковылял хромым, а ушел здоровым. Нет, надо посмотреть на ведьмака.

Тут как по моему заказу Зойка напомнила:

– Вы лечиться-то у дядь Тимоши не раздумали?

– Не раздумали, не раздумали! Когда поедем? – загорелся Жека. Ему льстило, что загадочный ведьмак будет лечить его синдром Разлюли-Малинина.

– А хоть сегодня, – не стала ломаться Зойка. – Надо только достать вам велики, а то пешком идти замучаетесь. Тебе я дам свой маленький, а ты, Алешка, проси у Светланы Владимировны. У нее в музее настоящий «Пежо», французский.

У меня аж слюнки побежали. «Пежо»! Как же, знаю. Видел через витрину: продается в автомобильном салоне и стоит, как «Жигули». «Выпрошу. За нож тетя Света даст поката́ться», – решил я, не подумав, почему такой велик оказался в краеведческом музее.

А Зойка сказала, что вообще-то пришла на занятия в кружок, но, раз мы собрались к дяде Тимоше, то надо ехать скорее. И побежала за велосипедами.

Мне и в голову не пришло, что она ждала нас нарочно, чтобы затащить к ведьмаку.

Мы с Жекой открыли музей тети-Светиным ключом и пошли по залам. Иначе было не попасть в квартиру. Когда купец двести лет назад строил себе дом, он ведь не думал, что на чердаке у него поселится директор. Вход на чердак был из самой дальней маленькой комнатки; в старину там жила кухарка.

Отнесли мы стекло, вставили в грубоватую металличе-

скую раму гроба. Пока он был открыт, в зале появился слабый душок сырой земли и гнили. Жека старался не смотреть на скелет.

– Ну что ты, в самом деле! – сказал я. – Смешно даже. Это уже не человек, а просто косточки, они не могут двигаться без мышц, сухожилий...

Жека слушал, кивал и не верил. В конце концов я устал его убеждать и просто повел дальше.

Из обворованного купеческого кабинета слышались голоса. Брат потянул меня за руку: он хотел еще разок посмотреть, как снимают отпечатки, но боялся строгого эксперта.

Ладно. Заглянули мы в кабинет. Эксперт со своей кисточкой добрался до окна, в которое влезли воры. Пока нас не было, появился оперативник в штатском. Он допрашивал тетьку Свету, быстро черкая в большом блокноте. На вид ему было лет восемнадцать. Я бы поспорил, что его костюмчик и желтый галстук, как у Незнайки, куплены на школьный выпускной вечер.

Мы тихо встали в дверях, и нас не заметили. Тетя Света перечисляла каких-то людей, оперативник записывал, уткнувшись в блокнот. Тетя называла его то младшим лейтенантом, а то вдруг Виталиком, и тогда он розовел, но поправить десантную тетушку не решался. Иногда младший лейтенант Виталик уточнял:

– Это какой Афанасьев?

– Тот самый, прокурор города, – говорила тетя, и Виталик

с несчастным лицом записывал прокурора.

– Ну и, наконец, Скорятин, – закончила она.

– Зубной? – удивился младший лейтенант. – Он тоже?

– Не тоже, а в первую очередь. Он крупнейший знаток икон в районе, а может быть, и в области.

Я понял, что это за список, в который попали прокурор и стоматолог: тетя назвала Виталику коллекционеров антикварных вещей.

– Светлана Владимировна, а почему вы сказали: «Наконец, Скорятин»? – уцепился за слово младший лейтенант. – И вспомнили его последним... У вас неприязненные отношения?

– Отношения у нас официальные. Он проводил экспертизу нескольких икон из фондов нашего музея, я ему платила, – неохотно сказала тетя Света.

Виталик не отставал:

– И все-таки вы Скорятина не любите! Почему?

– Дело-то давнее... – мялась тетя. Младший лейтенант глядел выжидающе, и она стала рассказывать: – Когда я приняла этот музей, здесь не было предметов культа. Я обратилась к городским коллекционерам. Объяснила, что восстанавливаю обстановку купеческого особняка, нужны иконы, лампы, ведь раньше они висели в каждой комнате. Многие почли за честь подарить музею экспонаты из своей коллекции. Я, разумеется, указала на табличках: «Дар Афанасьева», «Дар Смирнова». – Тетя повела рукой, показывая в

соседний зал, и увидела нас. – Вернулись? Идите, почитайте что-нибудь, я скоро.

Младший лейтенант и раньше косился на нас поверх блокнота, но помалкивал, а теперь спросил:

– Кружковцы? В мое время вы не взяли бы такого малыша.

– Племянники, – коротко объяснила тетя. – Так вот, о Скорятине. Он принес две испорченные иконы. Какой-то неумеха начал смывать с них потемневшую олифу и повредил красочный слой. По совести такие вещи не дарят, а выбрасывают. Я ему и высказала: «Вы что же, Борис Михайлович, дурочкой меня считаете или побирушкой? Я ведь никому руки не выворачивала: жалко вам хорошую икону – не дарите ничего. Зачем же обманывать?!» Он как в русской народной сказке, и с подарком, и без подарка. – На этих словах тетя обернулась к нам и рявкнула командным голосом: – Вы еще здесь?!

Пришлось уйти. Впрочем, самое важное я услышал: отношения у Скорятина с тетей не такие, чтобы стоматолог радовался, встретив ее племянников. Выходило, что не к нам он подошел на улице – не к Алеше и Жеке, а к глазам и ушам тети Светы. С ее характером она, может, и слушать не стала бы обманщика. А когда племянники скажут, что к ним приставал незнакомый дядька, тетя обязательно их расспросит, каждое дядькино слово велит повторить. Мы и выложим, как Скорятин возмущался: «Варварство!», как сказал: «Я лично

не стал бы связываться с краденым». Он спешит показать, что не имеет с ворами ничего общего.

Я так размышлял и шел с Жекой по музею, не подозревая, что совсем скоро и загадки стоматолога, и кража покажутся мне обыденными, вроде покупки кефира. Потому что в следующем зале нас ждала настоящая тайна.

Глава XIV. Самостоятельная жизнь колдовского ножа

Колдовской нож был перевернут. Я отлично помнил, как тетя Света пристроила его на витрине: вбила два гвоздика, загнула кверху и положила нож острием к окну и чуть наискось – рукоятка выше клинка. А сейчас острие смотрело в другую сторону, рукоятка оказалась на нижнем гвоздике, съехала и уперлась в горшок для варки ведьмовского зелья. Если бы не горшок, нож выпал бы из витрины. И это за стеклом, в запертом на все замки музее!

Я, конечно, сразу подумал о тете Свете. Могла она перевесить новый экспонат по-другому? Могла. Только не сейчас и не так. Чтобы добраться до ножа, нужно отвинтить четыре шурупа и снять стекло. Возни довольно много, а ведь тетя была занята с полицейскими. Да и нож по-новому висел не сказать, чтобы красиво. Скорее было похоже на то, что его пытались достать из витрины, подталкивая чем-то через

щель за стеклом.

Жека ничего не заметил. Я отвел его в тетину мансарду и оставил прыгать на кровати. А сам нашел в кухонном столе отвертку, вернулся в колдовской зал и повесил нож, как раньше. Потопал, потолкал витрину – нож не шелохнулся. Попробовал дотянуться до него через щель под стеклом – нет, рука не доставала. Зато помело ведьмы стояло с краю, я вынул его и уже помелом столкнул нож с гвоздиков. Как я и думал, рукоятка перевесила; нож соскользнул, перевернулся и застрял, упершись в горшок. Пришлось опять отвинчивать стекло, чтобы положить нож, как надо. Зато теперь я знал, что его пытался свистнуть не призрак старого хозяина – колдуна, а обычный человек. Другое дело, кто и зачем.

Тете Свете я решил ничего не говорить. Хватит ей головной боли из-за вчерашней кражи.

Только я вернулся на кухню и убрал отвертку, как вошла тетя. Я полез в холодильник, чтобы не вызывать лишних вопросов. Пустынный, скажу я тебе, ландшафт открывается в холодильнике женщины-директора. А тетя сразу:

– Ты что тараканишь, голодный? Придется, вам, Алешка, сходить на рынок, а мне пора музей открывать.

Могла бы сказать час назад, а то я уже настроился ехать к ведьмаку, ждал только Зойку.

Тетя Света без моих просьб выкатила велосипед, тот самый «Пежо». Я как увидел это чудо технической мысли, так и остолбенел. В общем, обычный дорожный велик, только

сразу видно – старинный. Руль рогатый, главная звездочка вырезана в форме снежинки, пружины под седлом – вроде корабельных канатов, свитые из отдельных проволочек.

– Это подарок одного старичка, участника велопробега Чита – Хабаровск 1938 года, – с гордым видом объявила тетька. – Я собираю экспозицию «Спорт в нашей области», только экспонатов еще мало. Бери пока.

– А старичок не обидится? – спросил я. – Он же отдал велосипед не мне, а музею.

– Нет, ему только приятно будет. Он сам сказал: «Я уже не могу, так пускай твои племянники катаются».

Кажется, о нашем приезде знало полгорода.

Поехали с Жекой на рынок, и тут исторический велик показал характер. Как только я с музейного крыльца вскочил в седло, витые пружины разразились визгом задавленного на смерть щенка. Любую выбоину в асфальте они отмечали пронзительным скрипом. На ровной дороге скрип утихал до стонов, звучащих каждый раз, как я чуть переносил вес, нажимая на педали. А когда асфальт сменился булыжной мостовой, опять включились щенки. Проехав метров десять, мы передавили целую стаю. На нас глазела вся улица. Пришлось слезть и катить музыкальный велосипед руками.

Половину рынка словно перенесли в Забайкалье с московской окраины: пестрые палатки; виноград, апельсины, бананы и киви с заморскими наклейками. Зато вторую полови-

ну можно было бы включить в тети-Светин музей и водить по ней экскурсии. Дощатые прилавки под навесами строили еще, наверное, на закрытом в прошлом веке Обозном заводе. Чугунные весы-качели, судя по виду, давно отпраздновали столетний юбилей в компании с ржавыми гирьками. Торговки с обветренными крестьянскими лицами ставили на одну чашку весов гирьки, на другой воздвигали шаткую гору из овощей. Чашки уравнивались, и тогда торговка щедрым жестом добавляла покупателю лишнюю картофелину или морковку.

Пока я покупал продукты по тети-Светиному списку, Жека отирался рядом с пожилыми торговками, выкладывая им историю своей безвинной ссылки. Дитя жалели и одаривали кто яблочком, кто огурцом, кто маленькой головкой бурятского сыра. Пресечь вымогательство я не смог. Жека отбежал и, пока я с неповоротливым велосипедом добирался до него, успевал обработать еще одну торговку.

Однажды мне удалось достать его пинком, потому что руки были заняты, и на меня закричали со всех сторон. Я уходил как оплеванный. Жека семенил рядом, искательно заглядывая мне в глаза. Он чувствовал, что переборщил. Пакет со съестными доказательствами человеческой доброты оттягивал ему руку и черкал по земле.

– Тебе не стыдно? – спросил я.

– А че? Я не просил, они сами сували.

– Город маленький, – напомнил я, – о нас уже все знают.

Завтра станут говорить, что у директора музея племянники ходят попрошайничать.

– Я не просил, – упрямо повторил Жека.

– Просить можно по-разному.

Жека выбросил пакет в урну. Подарки для него ничего не значили, он добивался жалости.

– Достань, – приказал я.

– Вот уж фиг! Там наплевано.

Иногда мне хочется так отделать своего ласкового брата, чтобы память осталась на всю жизнь. Но возьмешь его за плечики, увидишь торчащие ключицы и голубую жилку на шее, и вся злость пропадает. Он правда еще маленький.

Я достал из урны пакет и, смахнув прилипшие окурки, повесил на руль велосипеда.

– Знаешь про пастушонка, который кричал: «Волки!»?

– Ага, всех наколол, – с гордостью за пастушонка ответил Жека.

– А потом, когда волки вправду напали, никто не прибежал к нему на помощь.

Жека насторожился:

– Ну и что?

– А то! Вот заболеешь или потеряешься и будешь ныть.

А люди привыкнут, что ты обманщик, и никто тебя не пожалеет.

– Людей много, а я один. Кто-нибудь пожалеет, – резонно возразил Жека.

Я не знал, что сказать, и отвесил ему подзатыльник.

На крыльце музея ждала Зойка с двумя великами, для себя и для Жеки.

– Погнали, – сказала она, – со Светланой Владимировной я за вас договорилась. Продукты бери с собой. Сегодня заночуete у дядь Тимоши, а там – как лечение пойдет. Некоторые у него по неделе живут.

И Зойка с решительным видом взялась за руль велосипеда.

– Ты куда? – удивился я. – Нам же вещи надо взять.

– Поехали! – заторопилась Зойка. – Какие тебе вещи! Если вечером будет холодно, дадим вам по ватнику.

– И чистые носки дадите? – не слушая Зойку, я прислонил велосипед к стене и пошел собираться.

Музей уже открыли для посетителей. Я вошел под звон дверного колокольчика и попал в супермаркет начала двадцатого века. Подпускать народ к товарам тогда опасались – все добро выставляли на полках за прилавками. Зато чего там только не было! И керосиновые лампы, и связки баранок, и дамские сапожки на пуговках. Похоже, если не было чего-то, значит, это просто не изобрели к тому времени. Автомобиль вот изобрели, и пожалуйста: «Рено», «Даймлер», «Бенц», еще не ставший «Мерседесом». Хит сезона – «Пузырев-А 28–40» с шестилитровым движком (слышал о такой марке? Вот и я нет). Весь автосалон занимал витринку

чуть больше развернутой газеты, но фотки на рекламках были четкие; технические данные, сроки доставки – все как в интернет-магазинах. «Пузырева» обещали подогнать через неделю – мы в Москве дольше ждали машину.

За прилавком с билетами и сувенирами молодая женщина вязала крохотный розовый ботиночек. Наверное, Таня-экскурсовод – тетя Света о ней говорила.

– Твоей сестричке, Алешка, – улыбнулась она, не отрывая взгляда от часто мелькающих спиц.

– Угу. Спасибки, – кивнул я на ходу.

Кажется, мы со всем Ордынском дружим семьями, только меня об этом не предупредили...

Торопясь, я почти бегом пролетел купеческую половину и сбавил обороты у колдовского зала. Оттуда слышались голоса. Тетя Света разговаривала со стареньким бурятом, и я не стал их отвлекать. Проходя мимо, глянул на витрину с ножом...

А НОЖА-ТО И НЕ БЫЛО!

Глава XV. Чудеса только начинаются

Исчезла и пояснительная табличка. Горшки зельеварного аппарата сдвинулись на прежнее место, закрывая пустоту. О ноже напоминала только крохотная дырочка от выдернутого гвоздика.

Тетя Света как будто не заметила пропажи. Стояла в двух

шагах от витрины и расспрашивала бурята: «А скажите, Жигжитжаб Доржиевич...», «Жигжитжаб Доржиевич, а если...». Может, она сама убрала нож?

Самое странное, что я ничему не удивился и сразу перестал думать о ноже. Собрал пожитки для себя и для брата, на ходу попрощался с тетей и поехал к ведьмаку.

Как только мы сели на велики, Зойка начала болтать. В каждом доме, который попадался нам на глаза, жил ее знакомый или знакомый знакомых, и обо всех ей было что сказать. Эти истории, то совсем простые, то длинные и путаные, как сериалы про любовь, она вываливала без разбора и без перерыва. Если становилось скучно, можно было отключиться и глазеть по сторонам, Зойка не обижалась.

– Написали Василию в армию, что Алена выходит замуж, он и говорит командиру: «Товарищ командир, отпустите меня в Ордынск на один день, на один час, а не то я сам убегу», – на одном дыхании молола она. – Командиру это не понравилось, он и посадил его под арест, а Василий убежал и приходит к Алене на свадьбу...

За городом Зойка притомилась и молчала иногда целые километры. Тянулись поля с чем-то сельскохозяйственным (я тогда не мог отличить даже рожь от пшеницы), поскрипывал музейный велосипед. Иногда я вспоминал о ноже, но эти мысли ускользали, сверкнув, как рыбки в быстрой воде. Оставалось чувство, что я не то потерял, не то забыл сделать

что-то важное...

На обочине дороги пестрело дерево, разукрашенное, как новогодняя елка, привязанными к веткам лентами, платками и цветными тряпочками. На некоторых было что-то написано непонятными значками. Подъезжая, мы спугнули стаю птиц. Оказалось, что под деревом полно сырных и творожных крошек. На земле валялись пуговицы, спички и сигареты; блестели мелкие монетки.

Жека издал радостный вопль и уже было свернул к чудо-дереву, но Зойка его догнала и, не слезая с велосипеда, поймала за ухо:

– Не тебе оставлено!

– А кому, – возмутился Жека, – воробушкам, что ли?! У них карманов для денег нету!

– Эжинам, Москва дремучая! – Зойка тянула больного за ухо, заставляя ехать дальше.

– Каким еще жинам?

– Э-жи-нам. Скорее всего, богине Этуген. Или Ульген Эхэ – в общем, духам Земли. Буряты в них верят, ну и русские, кто здесь давно живет, обязательно что-нибудь бросят на всякий случай. – Сказав это, Зойка, наконец, отпустила Жеку и, размахнувшись, ловко бросила под оставшееся позади дерево монетку.

В огороде ведьмака копошились согнутые фигуры: кто поливал, кто вскапывал, кто выпалывал сорняки. Изумляя

деревенских собак, на плетне красовался желтый галстук; подъехав ближе, я разглядел младшего лейтенанта Виталика. Мокрый от пота и несчастный, он орудовал тяткой, поправляя под пиджаком съезжающий пистолет.

– Больные, – сказала Зойка, – вот так и расплачиваются с дядей Тимошей, а денег он не берет.

Она свернула к плетню и закричала:

– Сегодня приема не будет! Завтра приходите, после обеда!

Дверь избушки была подперта поленом, как прошлой ночью. Похоже, хозяин с тех пор не возвращался. Но откуда Зойка взяла, что ведьмака не будет до завтра?

Больные стали расходиться. Судя по всему, они хорошо знали Зойку. Кто-то завел трескучий мотоцикл и уехал, пыля, по деревенской улице. Остались младший лейтенант Виталик и старуха. Они подошли к плетню и начали переговоры с Зойкой. Старуха как полола огород, так и разговаривала, согнувшись крючком.

– Spина у меня, – пожаловалась она.

– Ясно, – с понимающим видом кивнула Зойка. – Рубаху для бани взяли?

– Взяла, дочка.

– Ну и приходите завтра к вечеру, когда баня истопится. Дядь Тимоша вас быстро выпрямит.

– А сегодня нельзя? Издалека я, – просящим голосом сказала старуха.

– Сегодня он уехал травы собирать. Идите вон в тот дом с голубой крышей, – распорядилась Зойка. – Спросите Анастасию Петровну, она вас покормит и ночевать пустит. Платить не надо, просто скажите, что вы от Тимофея Захаровича.

– А сам-то не осерчает? – с опаской спросила старуха.

– На вас ему серчать не за что, а мне сегодня он все простит, – с непонятной уверенностью сказала Зойка.

– Дай Бог тебе здоровья и мужа хорошего, – посулила старуха и, подхватив сумку с пожитками, засемила по улице.

Младший лейтенант стоял, вцепившись в плетень, как будто собирался вырвать кол и обороняться.

– Мне надо сегодня, – упрямо сказал он.

– Вы же слышали, уехал дядь Тимоша, – ответила Зойка, глядя на пистолет у него под расстегнутым пиджаком.

– Мне надо сегодня, – повторил Виталик, – по государственному делу.

До меня дошло:

– Хотите, чтобы ведьмак нашел воров?

Виталик надулся:

– Это служебная тайна!

– Со служебной тайной иди на службу. Ты че, Виталя, совсем важный?! – возмутился поганый язык. У Зойки был талант не просто говорить гадости, а говорить гадости неожиданно.

Младший лейтенант залился краской. Помолчал, прокаш-

лялся и еще помолчал. Свесился через плетень и посмотрел Зойке в лицо:

– Ты из нашей школы, что ли?

– Дорогая редакция, я торчу! – всплеснула руками Зойка. – Как большой пистолет и ма-аленькая звездочка меняют человека! Когда он босой ногой наступил на змею...

– Зойка! – узнал младший лейтенант. – А ты почему здесь командуешь?.. Погоди-погоди, ты та самая Зоя? Его помощница?

– Ну, это громко сказано, – поскромничала Зойка.

– И ничего не громко! Тебя все так называют, – заверил Виталик и с видом завзятого сердцеда разгладил пух на губе, который считал усами. – Зой, а как ты похорошела! Со-всем невеста.

Зойка расплылась. Все-таки девчонки наивные. Понятно же, что Виталик искал подход к ведьмаку, а то и не узнал бы Зойку. А она порозовела и – томным голосом, глядя в землю:

– Ну, что тебе?

– Не могу я уйти ни с чем, – горячо заговорил младший лейтенант. – Ты пойми: вещи из музея антикварные, такие не продашь кому попало. Скорее всего, их украли по заказу коллекционера. Вот у меня список – твоя тетя дала, спаси-бочки. – Виталик одарил меня недобрый взглядом, как будто я был виноват, и прочитал: – Афанасьев – городской прокурор, Бирюков – полковник в отставке, Доржиев – персональ-ный пенсионер, бывший директор музея, Скорятин – всему

городу зубы лечит... Это не то что пацаны скутер угнали. Как мне таких людей проверять? Прийти к прокурору и сказать: «Николай Сергеевич, выдайте мне постановление на обыск в вашей квартире»? Нет, здесь без колдуна никак! – сокрушенно закончил он.

– Дядь Тимоша не колдун, а ведьмак, – поправила Зойка. – Ведает много, то есть знает.

– Вот и сказал бы, если знает, – буркнул Виталик. Он краснел и маялся. Было понятно, что младший лейтенант, как тетя Света, не верит ни в колдунов, ни в ведьмаков, но жизнь заставляет.

– Если ты думаешь, что будет как в сказке: «Золотое блюдечко, наливное яблочко, покажи, кто музей обокрал», то зря, – заметила Зойка.

– Но ведь находил же он краденое! – с отчаянием сказал младший лейтенант. – Не знаю, с яблочком или с арбузиком, но находил. Я раньше думал – слухи, болтовня пустая. Только наш подполковник на слухи не повелся бы, он же помнит все кражи в городе за последние десять лет. «Иди, – говорит, – к Тимофеев Захарычу. Копай ему огород, коли ему дрова, но без результата не возвращайся»...

– Да найдет он, – успокоила младшего лейтенанта Зойка. – Он и без вас нашел бы, потому что не любит, когда иконы воруют. Только завтра, а раньше никак не получится. Можешь подполковнику передать – завтра.

Виталик снял с плетня желтый Незнайкин галстук и стал

неумело завязывать.

– Стильная вещь, – не удержался я. – Девчонки, наверное, в обморок падают.

– Правда стильная? А я стесняюсь, броский очень. Невеста подарила, – не разгадав подначки, спроста поделился младший лейтенант.

Когда Виталик уходил, Зойка с горестным видом глядела ему в спину:

– Невеста... Галстуки дарит.

– Жених и невеста тили-тили тесто! – влез Жека и показал Зойке язык, давая понять, что дразнилка относится к ней.

– Будем лечить! – объявила Зойка и щелкнула его по лбу. А мне с вызовом сказала: – Ну, нравился. Он с Наташкой гулял, а я, дурочка, пряталась в кустах и мяукала... Я тогда только пришла в кружок – четвертый класс, а он после девятого учился в полицейском колледже. Беретик набекрень, нашивки золотые, ботинки высокие... А теперь еле вспомнил, как меня зовут.

– А что вы там делаете, когда по кустам не мяукаете? – спросил я.

– В кружке-то? Много всего. Зимой реставрируем экспонаты, какие можем, а летом ходим по деревням. Бывает, стоит ничей дом, заброшенный. Пошаришь и обязательно что-нибудь найдешь. Саблю булатную видел в музее? Семнадцатый век, а ею курятник чистили.

Рассказывая, Зойка взяла прислоненный к плетню велик и покатила во двор. Мы с Жекой шли за ней. Я спохватился:

– Слушай, а зачем ты нас притащила сюда, если дядя Тимоша будет только завтра?

– Увидишь, – с загадочным видом бросила Зойка.

Велосипед она оставила у сарая. Предупредила:

– Ничего не бойтесь и ничего не делайте, пока я не разрешу. Без разрешения можно только дышать. – И распахнула дверь.

В углу,

за горой костылей и тросточек,

у миски с какой-то кашей

лежал волк!

Я узнал его сразу по вылезшему с одного бока клоку лисялой шерсти.

– Принесла, – сказала Зойка.

И достала из сумки нож колдуна.

Глава XVI. По волчьей воле

На меня напал столбняк. Вспомнилось, как мы с Жекой шарахались по станции, а волк терпеливо загонял нас в каморку обходчика. Теперь Зойка принесла волку нож из той каморки. **ВОЛКУ. КОЛДОВСКОЙ НОЖ.** А дядя Тимоша пропал, и вчера Зойка не знала, когда он вернется, а сегодня знает и командует больным: «Приходите завтра к вечеру»...

Все было ясно, как дважды два, но я даже в мыслях не смел высказать свою догадку, потому что так не бывает.

Жека, не мучаясь размышлениями, подсел к волку и стал вычесывать его своей расческой. Линялая шерсть слезала ключьями. Волк благодарно постанывал. Когда Жека добрался до пуза, он, как довольная собака, начал валяться с боку на бок, подставляя зудящие местечки. Если расческа больно дергала спутанную шерсть, волк зубами прихватывал Жекину руку. Для тех, кто не держал крупную собаку, картина была жуткая: рука целиком скрывалась в пасти.

Младший лейтенант Виталик определенно не держал крупную собаку. Я и забыл про него, а он вдруг вошел, заранее виновато улыбаясь – извините, мол, я вот еще о чем забыл спросить...

Улыбка примерзла к губам Виталика. Он увидел детскую руку в волчьей пасти. Запястье казалось тоненьким, как спичечка, а зубищи огромными и безжалостными, как нож бульдозера.

– Не двигаться, – еле шевеля губами, процедил младший лейтенант и скрюченными пальцами стал выцарапывать из-под мышки пистолет.

Я бросился наперерез, понимая, что не успеваю. Надо было что-то крикнуть, но как я мог за секунду до выстрела объяснить Виталику то, во что сам не очень-то верил?

С хрустом открылись застежки-липучки на мягкой кобуре. Виталик схватил рукоятку... И застыл.

Как будто кино остановили. Младший лейтенант замер с перекошенным лицом, наполовину вытянув пистолет из кобуры. Одна нога осталась поднятой, чтобы переступить на удобное для выстрела место.

Прошло с полминуты. Виталик не шелохнулся.

Я прочистил горло и сказал:

– Э-э-э...

– Это и есть морок. Дядь Тимоша навел, – невозмутимо сообщила Зойка. – Закрой дверь, а то с улицы увидят.

Я повиновался, как робот, ни о чем не думая и ничего не чувствуя.

Младший лейтенант стоял у порога; дотягиваясь до дверной ручки, я прикоснулся к нему. Он был, как гипсовый, даже рукав пиджака показался мне затвердевшим.

– Ты за плечи, я за ноги, – бодро скомандовала Зойка, примериваясь к застывшей фигуре.

– И куда его?

– На сено – типа, спит. Здесь иногда больные так ночуют.

Неровная гора сена занимала половину сарая. Затащив негнущееся тело подальше от входа, мы укрыли его старым одеялом.

Когда я вспомнил о Жеке, оказалось, что брат как ни в чем не бывало расчесывает волка. Он даже не глянул в нашу сторону. Я еще не мог связно разговаривать и вопросительно уставился на Зойку.

– Ему не нужно это видеть, он и не видит, – объяснила

племянница ведьмака. – Ты все понял, или надо разжевывать?

– Понял. Надо, – выдавил я.

Зойкин рассказ был прост и невероятен. Ведьмак страдает какой-то мучительной кожной болезнью и для облегчения иногда перекидывается в волка. По непонятной Зойке причине это делается в полночь на станции. Вчера перекидывание закончилось тем, что нож и свеча, у которой не было никакой особенной роли, упали за оторванную доску в полу. Достать нож было задачей не для волчьих лап, а без него ведьмак не мог перекинуться в человека. Вот и загнал нас с братом в каморку обходчика, рассчитывая, что мы найдем нож, а еще лучше – играя, воткнем его в пол. Для перекидывания нож должен торчать в деревяшке. Тогда волку осталось бы только перепрыгнуть через него.

Я спросил:

– А откуда ты про все узнала? Разговаривает он, что ли?

– Не, из тайги такие не выходят – только из Москвы дремучей!.. Волки не разговаривают, у них голосовые связки не так устроены, – свысока ответила Зойка. – Просто я вчера увидела, в каком виде дядь Тимоша вернулся, и с утречка приехала сюда. А понять его легко. Смотришь на что-нибудь неинтересное – вон, на гвоздик в стене, – смотришь долго, и все мысли уходят, а на свободное место приходят дядь-Тимошины. Только не словами, а вот захотелось мне нож, и

хоть тресни. Я уже ладонью чувствовала, какой он тяжеленький, рукоятка теплая...

– А потом? – не отставал я. – Как ты его добыла? В музее полиция...

– Так дядь Тимоша всем отвел глаза. Светлана-то Владимировна не хватилась ножа?

– Не хватилась, – подтвердил я. – В двух шагах от витрины стояла.

– Ну вот, сам видел, а сомневаешься!

Я не знал, верить или не верить. Спросил, как волк сумел отвести глаза тете и другим – неужели бегал в город?

– Может, бегал, может, прыгал... А может, на сосне сидел и флажками семафорил! – пробурчала Зойка, косясь в угол, где под Жекиной расческой блаженствовал волк.

Я понял, что она сама не все знает, а приврать при «дядь Тимоше» стесняется. Замороченный Виталик лежал на сене как доказательство ведьмачьих чудес. Под одеялом топорщилась поднятая нога.

– А когда Виталик очнется?

– Да хоть сейчас, – ответила Зойка. – Вытащить его на солнце, и морок спадет. Только Виталя настырный – боюсь, попретса за нами на станцию. Лучше мы завтра его поднимем. Пускай думает, что ночевал в сарае и все заспал.

Глаза у помощницы ведьмака затуманились. Только что разговаривали, вдруг – раз! – и она уже сама не своя. Лицо сонное, губа отвисла; глядит вроде на меня, а не видит.

Словно между нами упала невидимая занавеска, нет, целая бронеплита, как в кино, когда на звездолете авария, и все коридоры – бум, бум! – закрываются этими плитами в метр толщиной.

Сказать по правде, мне стало жутко. Жека в углу расчесывает волка и ничего вокруг не видит. Виталик с задранной ногой изображает упавшую статую футболиста. А теперь и Зойка отключилась, и остался один я нормальный человек...

Я помахал руками, Зойка – ноль внимания. Подошел, наклонился так, что мы почти коснулись носами.

– Ты че?! – отшатнулась Зойка.

Ожила!

Ох, и легко же стало на душе! Ничего я Зойке не ответил, боясь попасться на поганый язык. Только стоял и улыбался.

А она оглянулась на занятого волком Жеку и крепко зажмурила глаза:

– Ладно, давай!

«Что давай-то?» – чуть не ляпнул я.

Зойка тянула губы трубочкой, слепо тычась в воздух.

Я подумал про подосинковскую Варю: если узнает, ведь не простит... Но Зойка тоже не простит, если не поцелую! Она мне доверилась, и теперь поздно мямлить, мол, ошибочка вышла.

Я нагнулся. Щеки у Зойки были конопатые, как перепелиные яички.

– Му! – поторопила она, не разжимая губ.

Поцеловал. А что делать?

Зойка на ощупь оттолкнула меня и только потом открыла зажмуренные глаза.

– Тормозной ты, Алешка. А еще москвич! – упрекнула довольным голосом. – Ладно, давай укладываться. Надо поспать, а то ночью вареные будем.

– Спи, – сказал я, – и Жеку заставь, если сможешь. А я лучше на речку пойду.

Зойка помотала головой:

– Алеш, надо. Дядь Тимоша велел!

Стало понятно, кто уронил бронеплиту от звездолета: дядя передавал племяшке свои мысли. Хорошо, что все сразу заметно: застыл, глаза не видят – значит, ты на связи с ведьмаком. А если б он умел тайком нашептывать?! Можно было бы с ума сойти, гадая, какие мысли твои, а какие ведьмак тебе впарил!

Но спать я не лягу. Не на того напали! Да меня родная мама не заставила спать днем!

Вообще-то «тихий час» на время каникул установили для Жеки, чтобы отдохнуть от него хоть немного. Но больной мигом сообразил: он будет спать, а мама – с Ленкой развлекаться?! И устроил час капризов: то пить, то писать, под одеялом жарко, под простынкой холодно, с занавеской душно, без занавески солнце в глаза. Тогда мама решила, что я как старший брат должен личным примером... А у меня Вара некупаная! И желающих проводить ее на речку – считай,

каждый второй поселковый парень!

Короче, я не сплю днем. И точка!

Я покосился на волка. Вот как с ним объясняться? Как обратиться хотя бы? «Дядя Тимоша... А почему у вас такие большие уши?»

Хихикнул я про себя да и вышел из сарая.

На улице был поздний вечер.

Малиновые облака купались в неподвижной, как стекло, реке. Солнце почти скрылось за далекими игрушечными домиками Ордынска, а в темно-синем небе взошла бледная луна.

Это что же выходит, деревенский ведьмак управляет временем?! Вот так сказал заклинание... Хотя говорить он сейчас не может – волк же. Значит, повел так руками... Нет, волк – не дирижер, чтобы лапами размахивать... Ладно, неважно. Серый то ли зверь, то ли человек захотел и сделал из дня вечер. Наверное, Землю провернул на лишние четверть оборота. За тот миг, когда я открывал дверь сарая...

– Выметайся! – подтолкнула в спину Зойка. – Семейка тормозов! То вас не уложишь, то не добудишься!

Не добудишься?! Это же совсем другое дело! Выходит, дядя Тимоша всего-навсего усыпил меня. Да пускай бы и морок навел. Подумаешь! Видал я морок: вон, Виталик лежит замороженный...

Музыкальный «Пежо» был тяжеловат в ходу. Днем я сам

не заметил, как натрудил ноги, и теперь езда стала мучением: все мышцы болели, и каждая по-своему – где ныло, где кололо, где дергало. Жека тащился за мной, еле ворочая педалями. Он дрейфил, но оставаться в сарае ведьмака показалось ему еще страшнее.

Въехали в тайгу, и стало темнее. Луна бежала за нами, то и дело прячась за черными верхушками елей, и тогда мы катили почти вслепую, едва угадывая дорогу по отблескам стоявшей в колеях воды.

На три велика была одна фара – у Зойки, но та почему-то не спешила баловать нас электрическим освещением. Ехала и оглядывалась. Позади, в конце просеки, маячили деревенские огни. Если нам их видно, сообразил я, то из деревни тоже могут заметить свет на дороге.

Просека понемногу забирала в сторону, огни один за другим исчезали за деревьями, пока не погас последний. Тайга сомкнулась за нашими спинами в непроглядную черную стену.

Зойка включила фару. Впереди как два маленьких фонарика вспыхнули волчьи глаза: ведьмак ждал нас на обочине, обежав деревню по краю, чтобы собаки не подняли лай. Когда мы подъехали, он затрусил рядом с Зойкой, изредка оглядываясь на нас с братом.

Пытаясь сохранить здравый смысл, я уговаривал себя, что все это – большой, но несложный розыгрыш. Заснуть в сарае я мог и так, от усталости. Нож Зойка могла и без отвода глаз

взять у тети Светы, Виталик мог притвориться. Все они – одна компания. И ручной волк не редкость... Но, глянув на эту зверюгу, которая гнала нас вчера в тумане, а сейчас мирно бежала у колеса, я опять верил Зойке. Интересно, как случится превращение. Как в ужастиках про вервольфов, когда волчья шкура трещит, лопается, и в крови и слизи из-под нее появляется голый человек? Или как в старом клипе Майкла Джексона, где он то начнет обрастать шерстью, то станет обычным человеком, и все – с песенкой?

Бежавший ровной трусцой волк вдруг сбился с шага, дернул ушами, прислушиваясь, и стал отжимать Зойкин велосипед к обочине. Пришлось остановиться. А волк обернулся, приглашающе повел головой, и, не задев ни листка, шмыгнул за придорожный куст. Зойка вломилась за ним вместе с великом, только ветки затрещали. Потом и Жека полез в кусты. Сроду он так не слушался ни меня, ни родителей. Сперва сто вопросов задаст: и как, и почему, и зачем оно надо, и что ему будет, если не послушается, и не удастся ли выклянчить какую-нибудь награду за то, что послушается... А тут смотрю, прет мой Жека напролом. Велик цепляется, ветки хлещут, он ойкает, но лезет.

Морок это ведьмачий, понял я. А вот назло не поддамся! Зойка с Жекой повозились за кустом и притихли. Тогда я расслышал, что вдалеке гудит-подвывает автомобильный мотор.

Стало одиноко и жутко среди огромной темной тайги. Я попытался уговаривать себя – подумаешь, мотор, не «Мессершмитт» же там летит с фашистом. Вспомнился вчерашний очкарик за рулем «шишиги» с намалеванным черепом – ведь чуть не сбил Зойку и ухом не повел... На всякий случай я отошел подальше на обочину, к самому кусту. Зойки с Жекой не было ни видно, ни слышно, и мне почудилось, что их уже нет – заблудились, пропали! Хотел позвать, но горло перехватило. Я засипел, рванулся, таща за собой застревающий «Пежо» – и сам не заметил, как очутился за кустом.

Протестуяще пискнула Зойка – в потемках я чуть не наступил ей на голову. Вся компания лежала, как партизаны в засаде, глядя на дорогу, по которой уже метался свет приближающихся фар. Бросив велик, я лег рядом на колкую подстилку из сухой хвои. Волк ткнул меня носом в бок и насмешливо фыркнул.

– Автобус, – объяснила Зойка. – Он сегодня на час раньше возвращается.

– Почему? – не понял я.

– Потому что ты Москва дремучая! Сообрази: поезда же идут в разные стороны! Вчера автобус встречал московский, сегодня – обратный, из Читы, а он приходит на час раньше.

– А прячемся зачем?

– Мало ли... Вот остановился бы шофер: «Куда вы да зачем, а давайте я в город вас отвезу»... Или кто увидит, что мы ночью едем на станцию, и тоже попрется – на спор там

или смелость испытать.

Сегодня автобус не скакал по дорожным ухабам, а с достоинством переваливался. Водитель не спешил и берег рессоры. В салоне горел свет. Компания школьников горланила и кукарекала в открытое окно; у другого бабка жевала огурец. На вчерашнее бегство это было совсем не похоже. В полночь, когда является призрачный поезд, все будут дома.

Мы встали, отряхнулись от приставшей к одежде прелой хвои, подняли велосипеды и вышли на дорогу. Зойка проводила автобус завистливым взглядом – ясное дело, пассажирам сейчас лучше, чем нам.

Вдали заревел тепловоз – какой-то поезд подал сигнал, подъезжая к заброшенной станции, и без остановки простучал дальше.

– Владивостокский, двадцать три двадцать, – сказала Зойка. – Времени у нас навалом, а ехать осталось всего ничего. Теперь не торопимся. Попадем на станцию минут за пять до полуночи, вот и будет в самый раз. Чего зря торчать в нечистом месте!

Соглашаясь с племянницей, дядя Тимоша повилял хвостом.

Глава XVII. Ведьмачьи тайны

Мы шли по ночной тайге, толкая велики.

Фару, наш единственный свет, Зойка, судя по всему, одол-

жила в музее. Там даже аккумулятора не было: колеса крутятся – горит, не крутятся – гаснет. На скорости пешехода из фары выдавливался чахлый лучик, способный только намекнуть, что где-то в далекой галактике есть осветительные приборы.

Жека попытался ехать, но, боясь темноты, крутил кренделя вокруг Зойки, пока не влетел в лужу. Притих и поплелся самым последним, хлюпая промокшими кроссовками.

На миг заслонив луну, в небе промелькнул крылатый силуэт, упал на обочину, и там послышался писк.

– Сова мышкует, – заметила Зойка. – Алеш, я все хочу спросить, что вы на станции видели.

– А ты не знаешь? – удивился я.

– Откуда? Без дела я бы нипочем туда не пошла. На тех, кто видел, порча нападает. Они сразу бегут к дядь Тимоше. А какие не бегут, у тех начинается: от кого жена уйдет, кого с работы выгонят.

– И поэтому ты нас бросила?

– Не бросила, а переждала и вернулась!

– А тебе не странно так жить? Порча, морок, ведьмак... – спросил я, поглядывая на трусящего рядом волка.

– Не странно или не страшно? – не расслышала Зойка.

– И то, и другое.

– Нет, это разные вещи. С дядь Тимошей странно, а я его люблю. Он бабушку вылечил, когда она умирала совсем. А вот на станции страшно. Вам Светлана Владимировна рас-

сказывала про шаманский поезд?

– На котором их в лагерь увезли? Рассказывала.

– Они все и наколдовали. Туда, на станцию, собрали и священников, и бурятских шаманов, и наших русских колдунов. Все понимали, что живыми не вернутся. Священники молятся, шаманы камлают, колдуны колдуют. Вот так все вместе они прокляли наши места. Ты спроси у Светланы Владимировны, сколько народу жило тогда в Ордынске, а сколько сейчас. Меньше четверти осталось. У нее-то свое объяснение: экономика, обозный завод закрыли – был у нас такой давным-давно, делал телеги для всего Забайкалья. Только ведь на заводе можно делать, скажем, лодки деревянные, раз телеги больше не нужны. Так что еще неизвестно, то ли народ разъехался из-за того, что завод закрыли, то ли наоборот: завод закрыли из-за того, что народ разъехался.

– Это дядя Тимоша так говорит? – спросил я.

– Люди. А дядь Тимоша говорит мало и не всегда понятно. Скажет, а ты полдня расшифровывай. Так что там, на станции? Ты не сказал, – напомнила Зойка.

Впереди уже виднелся конец просеки, залитый лунным светом.

– Увидишь, – пообещал я.

– Нет, мне дядь Тимоша запретил. И вам тоже. Будем сидеть в доме и носа не высовывать.

– Там проезжает старинный поезд с паровозом, только его не видно. Тень одна и звуки, – сказал я, чувствуя в спине

знакомый холод.

Но Зойку эта картина не впечатлила:

– А говорили-то! – хмыкнула она.

Мы успели вовремя. Достали из-под пола свечу, нашли по натекам воска, где она стояла, зажгли, капнули на доску, прилепили. Нож воткнули в старую отметину. В разбитые окна уже врвались шумы приближающегося поезда. Волк от нетерпения перебирал лапами.

Зойка отошла к разрушенной печке и нас потянула за собой. Вихрь бежал по придорожным кустам. В эту ночь он был сильнее, и лязг паровозных шатунов звучал громче. Пыльная лента перрона серебрилась под луной, а рельсов я со своего места не видел. Жека забился в угол. Я положил руку ему на плечо и почувствовал, что он дрожит.

– Ты что, брат?

Он мотнул головой: все в порядке.

Тень упала на перрон. Сегодня она была шире и гуще; в глубине мне чудились мерцающие искры. Зойка отвернулась в угол, а я смотрел. Ну и пусть порча, мы со вчерашнего дня порченые.

И вдруг Жека, вывернувшись у меня из-под руки, бросился к окну и рыбкой нырнул на перрон. Я еще чувствовал пальцами его тонкое плечо, а брат, держась за разбитую коленку, ковылял к рельсам.

Не помню, как я выпрыгнул за ним. Саднило руки; я ка-

тился по шершавому, как наждак, асфальту. Жека уходил, прихрамывая, и до рельсов ему было ближе, чем мне до него.

– Жека, брат! – закричал я, перекрикивая стук колес.

Он обернулся, такой маленький, и помахал мне рукой. Потом шагнул на край, но я уже бежал, я успел сбить его с ног и накрыть собой. Паровоз оглушил свистом, и поехали вагоны. Как из-под воды слышался грохот колес. Сегодня в призрачном поезде не пели. Асфальт гарцевал под нами, как бешеная лошадь, и норовил сбросить под невидимые колеса. Я держался, ломая ногти, пока кто-то не рванул на мне рубашку:

– Очумели, Москва дремучая! Вставайте, все прошло!

Я осознал, что на самом деле прошло, и колесный стук удаляется, а брат – вот он, дрыгается подо мною, как лягушонок, и кричит:

– Алешка, задавишь!

* * *

Когда мы вернулись в каморку, волк сидел в углу. Свеча не горела. Неглубоко воткнутый нож выпал из доски, только на этот раз не провалился под пол.

Не удалось, подумал я.

Кусты на задворках дома раскачивались, там стучало и булькало. Похоже, кто-то бил ногой по железке, заводя мотоцикл. Волк беззвучно скалил клыки. Косясь на нас одним

глазом, он попятился для разгона и выпрыгнул через подоконник.

Мотоцикл наконец завелся и, подмявая кусты, выехал на перрон.

Тут началось всеобщее ликование, Зойка с визгом бросилась дяде на шею, Жека, взяв нож в зубы, танцевал вокруг них лезгинку. Он с самого начала по-свойски держался с ведьмаком. Еще бы, ведь Жека расчесывал ему шерсть, когда дядя Тимоша был в шкуре волка.

Да, превращение оказалось не такими эффектным, как в кино. Разум ведьмака (или душа, или, может, личность – я не мог подобрать слово) как-то вселялся в настоящего волка. Судя по всему, человеческое тело на это время замирало и дожидалось хозяина где-нибудь в коляске мотоцикла.

Кстати, волк убежал недалеко. Я разглядел его в редком кустарнике за домом. Волк обнюхивал себя, встряхивался и по-кошачьи вылизывал шерсть, избавляясь от человеческого запаха. Едва ли он понимал, что произошло.

Меня знобило от любопытства, как Жеку под елкой с еще не развернутыми подарками. На языке вертелись десятки вопросов. Но ведьмак быстро меня остудил. Я спросил про морок, он ответил: «Скажу, что колдовство, – не поверишь, скажу, что нейрогипнотическое программирование, – кивнешь с умным видом и не поймешь». То же и с волком. Просто говоря – переселение душ, по-научному – это самое про-

граммирование.

Теперь-то я понимаю, что ведьмак, может, и рад был бы ответить, да только многое не передашь на словах. Как ездят на велосипеде? Инженер тебе напишет формулы, объяснит про гироскопический момент. Но формулы еще никого не научили кататься на двух колесах, и наоборот: миллионы людей катаются без формул и не падают.

Ладно, это я сейчас такой умный. А тогда обиделся. Ах, так, думаю, не хотят со мной разговаривать? И не надо! Я в друзья не набиваюсь. Тоже мне, светило народной медицины. Видал я, как это светило блох из шерсти выкусывало!

А Жеку ведьмак посмотрел в ту же ночь и сказал, что лечить его синдром не надо, все само пройдет. То есть можно сделать из моего брата примерного мальчишка. За пять минут можно – тем же программированием. Только это будет уже не Жека, а маленький робот. Хорошего человека воспитывают годами, и ускорять это дело – все равно, что дергать за хвостик морковку, чтобы она побыстрее росла.

Остаток ночи мы провели на сене с замороженным Виталиком. Его мертвецкая неподвижность и особенно рука на пистолете под мышкой здорово давили на нервы. Жека с Зойкой давно сопели, приткнувшись друг к другу под теплый бок, а я смотрел в дырявую крышу сарая с просвечивающей луной и боялся.

Из распахнутой двери тянуло холодом и ночной сыростью.

Дверь оставила открытой Зойка, чтобы с первыми лучами солнца Виталик отошел от морока... Допустим, отойдет. А что потом? Продолжит с того места, где остановился вчера: станет волка убивать. Пистолет в руке, палец на спусковом крючке, только сам стрелок почему-то валяется в сене, и волка не видно... Пальнет? Легко. От неожиданности или чтобы пугнуть волка, но пальнет, а тут Жека и Зойка... Я перелег, заслонив их от Виталика. Стало еще страшнее, зато легче на душе. Один я бы ушел ночевать во двор – там есть стожок сена. И Жеку бы отнес на руках, не спрашивая. Но Зойка без оглядки верит в «дядь Тимошу», который все знает наперед и, конечно, заморочил Виталика по-хитрому, чтобы тот даже не кашлянул в нашу сторону. Зойка со мной не пойдет, а я не умею бросать своих.

Светало, из тьмы за дверью проступил сбегающий к реке луг в блестках росы. В сарае немного развиднелось; я огляделся и понял, что смогу подстраховаться. Тетя Света рассказывала, что в бою затыкала за ремень лопатку, чтобы защитить живот. А здесь лопат хватило бы на взвод толстых солдат. Толстых, потому что лопаты были не маленькие пехотные, а полноразмерные садовые и даже совковые.

Сено под нами лежало горой в мой рост, черенок лопаты уходил в него полностью. И я отгородил Виталика двойным барьером, втыкая лопаты вверх ногами. Сам вооружился пустым черенком, чтобы, если успею, врезать ему по руке с пистолетом.

В такой крепости я перестал бояться и уснул, хотя собирался посмотреть, как с Виталика спадает морок.

Разбудило меня шарканье, как будто наждачкой чистили кастрюлю. Младший лейтенант яростно тер ладонями небритые щеки и гримасничал. Когда он закончил, на лицо вернулась застывшая со вчерашнего дня кривая улыбка.

– Это зачем? – кивнул Виталик на мой лопатный барьер.

– Защита. Вы за пистолет хватались во сне, – ответил я почти правду.

– А почему не разбудил?

– Не смог.

– Все от нервов, – решил Виталик, снова принимаясь тереть щеки. – Я ж, считай, сутки был как на иголках из-за этой кражи. Ну и перегорел. Как в колодезь провалился: ничего не помню!

Виталик не сводил с меня глаз, словно ждал подсказки. Я сообразил, что волка он точно не помнит. А меня помнит. Стало быть, вчерашний день закончился для него разговором с Зойкой у огородного плетня или чуть позже, когда младший лейтенант пошел за нами в сарай. Ай да ведьмак! Он же не только людям головы морочит, но и память умеет стирать как ластиком!

Я только раз видел, как человек теряет сознание. Один дачник на пляже сидел рядом с нами, читал, и вдруг – кувырк лицом в газету... Его водой отливали.

– Тепловой удар, – подсказал я.

Виталик охнул:

– Точно! Я же огород вскапывал в пиджаке, чтоб пистолет не светить. Запарился...

Вчерашняя кривая улыбка на лице младшего лейтенанта выпрямилась и расплзлась еще шире. Он подхватил охапку сена и подбросил вверх, устроив салют, а сам откинулся на спину и разбросал руки.

– Хорошо!

– Что хорошо – тепловой удар?

– Ага, – сияя, подтвердил Виталик.

Только тогда я понял, какой ужас его грыз: крепкий парень, не пьяный и не стукнутый по голове, забыл полсуток жизни. С такими тараканами не служат в полиции, а в обитой поролоном палате ведут беседы с покладистым врачом: «... и в ямку закопал, и надпись написал»... Ох, не зря ведьмаков боялись в старину. Да и сейчас, конечно, боятся, только не все. Для большинства-то дядя Тимоша – сельский знахарь: травки собирает, хромым лечит... И может сотворить с тобой что захочет, а ты и не вспомнишь ничего. Жутко даже думать о таких вещах. Сразу чувствуешь себя маленьким и беззащитным.

Ведьмак не вышел проститься с нами. Крикнул Виталику в окно, что воры сами себя окажут, и – общий привет. Я даже лица его не разглядел. Ночью он был в надвинутой до бровей

кепке, козырек на носу. И пилит на мотоцикле со скоростью наших великов, задрал голову, как слепой. Чудом не скатился в кювет.

Потом-то я узнал, что всемогущий ведьмак просто стеснялся: его кожная болезнь заползла на лицо.

Глава XVIII. Прибавление в нашем семействе

Никто не заметил, когда Жека успел приманить чужую собаку.

В деревне мы задержались минут на десять, пока Виталик пытался запихнуть наши велосипеды в приехавший за ним «уазик». По-моему, он тянул время, надеясь, что ведьмак выйдет и скажет о ворах что-нибудь внятное. Ведьмак не вышел, велики не поместились, и Виталик укатил на четырех колесах, а мы – на двух.

За деревней оглянулись – здрастье! Бежит рядом с Жекой псинка. Не большая и не маленькая, хвост бубликом, глаза разные: правый льдисто-голубой, левый золотистый (у лаек это не редкость). А морда деловитая! Увидишь такую морду, и на ум приходят полицейские словечки: «гражданин Собакин, находясь при исполнении»... Кто сказал «с целью облаять велосипед»?! Как только вам в голову пришло такое?!

Я решил не вмешиваться. Пусть больной проявит самостоятельность. Объяснит десантной тете, откуда прибавле-

ние в нашем семействе, узнает, что она думает о краже собак...

Километров пять мы проехали молча. Зойка оборачивалась, надеясь, что Гражданин Собакин отстал, но тот с независимым видом трюсил у колеса. Наконец, Зойка остановилась и преградила Жеке дорогу.

– А че я-то?! Она сама ко мне подошла! – сразу занял больной.

Гражданин Собакин, воспользовавшись моментом, обнюхал Жеку, покрутился у его ног, лег и умиротворенно вздохнул. Так он вздохнул, что всем стало ясно: пес признал хозяина, и ничего с этим не поделаешь.

– Ты хоть понимаешь, что подставил меня и дядь Тимошу?! – обрушилась на Жеку Зойка. – В деревне никому не интересно, кто ты такой – Женя из Москвы или Арчибальд из Бердянска. Ты – тот пацан, которого Зоя привела к Тимофей Захарычу! И за это... – Зойка ткнула пальцем в Гражданина Собакина, тот лениво огрызнулся, – за это, мой голубь сизокрылый, спросят с нас! Хотя и тебе накостыляют.

– Не накостыляют, – бодро пообещал голубь сизокрылый. – Она же сама!

– Она собака, а ты человек! Должен соображать, что у нее хозяин есть!

Жека начал краснеть:

– Не хозяин, а бабушка! Подошла и говорит: мальчику нужен друг!

– Какая щедрая бабушка! – изумилась Зойка. – Сама подошла и собаку подарила!

– Не-а, только на время дала, – вздохнул Жека. – Пока я не уеду.

А ведь не врет, сообразил я. При Жекином таланте растапливать старушечьи сердца ничего не стоит выклянчить собаку, тем более на время. Когда вчерашняя бабка у реки взялась подыскать «рабенку» приемную семью, это было покруче.

Зойка еще не верила:

– А фамилию ты у бабушки спросил? Кому собаку возвращать будешь?

– Не спросил... Ее фотка висит в музее, я и подумал, что она тети-Светина знакомая... А про собаку бабушка сказала, чтобы я ее отпустил, и она сама вернется.

– Эта вернется, – подтвердила Зойка. – Ты хоть знаешь, какая собака тебе досталась?

– А то ж! Я все породы знаю, – похвалился Жека. – Это лайка. Или правильно «лайк»? Пацан. Будет музей тете Свете охранять.

– Москва дремучая, ничего ты про лаек не знаешь, кроме названия, – махнула рукой Зойка. – Ладно, погнали. Но бабушку на фотке ты мне покажешь!

И мы погнали. Гражданин Собакин, освоившись в компании, стал гоняться за музыкальным «Пежо» и взлаивать, когда пружины особенно громко визжали на колдобинах. Зой-

ка гадала, какая такая щедрая бабушка раздает собак будущим второклассникам. Она помнила все музейные фотографии старух в национальных костюмах и замучила нас разговорами: «Как же ты не заметил бабушку Дамдинову, она из калитки на нас глядела, а на фотке снята в парчовом дэгэле и гуталах из далембы».

Только на полпути к городу мне удалось подкинуть Зойке задачку поважнее. Что значит «воры сами себя окажут»? Сами вернут украденное? А может, выкинут какую-нибудь штуку, которую нельзя будет не заметить? Мы ехали и гадали.

Жека выдвигал ценные предположения вроде: воры выйдут на улицу, снимут штаны и будут кричать: «Кукареку!» Потом притих и стал отставать. Я обернулся. Руля одной рукой, больной трогал щеку. Полез в рот пальцами, покачал зуб... «Опять начинается!» – понял я.

– Чего он? – спросила Зойка.

Я сказал:

– Синдром Боборыкина-Переплюйского, не обращай внимания. Ему хочется понуть, а мы чтоб танцевали вокруг.

Жека со злостью налег на педали.

Продержался он минут пять, а потом вдруг соскочил с велика, упал и прижался щекой к теплому Гражданину Собакину. Мы бросились его поднимать. Жека поскуливал. Щека у него и вправду опухла.

– Застудил, – определила Зойка. – Ночь была сырая.

– Форча, – уголком рта выдавил Жека.

– Да нет, порчу с вас дядь Тимоша снял. Ему только глянуть – и готово.

Жека опять запустил пальцы в рот. Пощупал, подумал и доложил результат обследования:

– Микробы вылазят из засадника.

– Откуда?! – не поняла Зойка.

Оттянув мизинцем губу, Жека показал дырявый зуб.

– Ага! Микробы прятались в засаде, а теперь вылазят и вот-вот начнут бросаться на прохожих!.. И после этого ты будешь говорить, что твой брат не идиот?! – уперев руки в бока, надела на меня Зойка.

– Это ему Скорятин сказал...«Рассадник»! – вспомнил я. – Он говорил, что в зубе рассадник микробов, а не засада.

– Какая разница! – убито вздохнул Жека. – Главное, они добираются до мозга.

– Не доберутся. Они заблудятся в пустоте, – утешила больного Зойка.

Молча стерпев оскорбление, Жека поудобнее примостился щекой к обезболивающей собаке и закрыл глаза.

– Ты ночевать устраиваешься, что ли?! Эй! Инвалид с ампутацией мозга! – не унялся поганый язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.